

Подюков И. А.
Хоробрых С. В.

ГОЛУБИ НА ЧАСОВЕНКЕ

сказки и песни деревни Усть-Уролка

Подюков И.А., Хоробрых С.В.

Голуби на часоуенке

Сказки и песни деревни Усть-Уролка

ПЕРМЬ 2009
Издательство «Сота»

Агрипина Григорьевна Михалева

Коврик со свастическим орнаментом

Интерьер в старообрядческом доме

Корноватик

Концы полотенца

Заливные луга

Васса Никифоровна Шаламова

УДК 398

ББК 82.3 (2Рос - Рус)

П45

Часть I/Фокеевна. Документальная повесть.

Часть II/Голуби на часовеньке.

Сказки и песни деревни Усть-Уролка.

Пермь: ООО «Издательство «Сота», 2009. — 128 стр.

В этом сборнике приведены тексты и даны комментарии к бытующим в Усть-Уролке различным жанрам фольклора, прежде всего обрядового и лирического, характеризуются их языковые и эстетические особенности. Большая часть публикуемых текстов — духовные стихи, похоронные причитания, календарные песни (троицкие и рождественские), плясовые, протяжные и любовные песни, частушки, записанные в разные годы от стариков деревни. В название взят образ, запечатленный в одной из плясовых песен.

Фотоматериалы из семейного архива Шляховой С.С.
Специальную фотосъемку выполнил Заровнянных В.Е.

Сказы Усть-Уролки.

В репертуаре и А. Ф. Сторожевой, и других носителей традиции села зафиксирован, конечно, и прозаический фольклор, пусть не так полно. Любопытна, в частности, легенда о Ноевом ковчеге: «Жил Ной в старое время, праведной был, за то его Бог решил спасти от потопа. Потопа де была большая, что люди грешат сильно. Бог велел ему баржу строить матерушшую¹, взять с собой всякой твари по паре. Он взял, в барже и сено, и хлеб запасены были, и всё. Только мамона не взял — он ступил ему в баржу-ту, чуть ее не утопил, шибко большой дак. Вот почему мамона-то и не стало потом, а все остальные звери спаслися как. Ну, потом плавали-плавали, долго, сорок ден, Ной голубицу выпустил, она ветку принесла ему, что де земля близко. И они и причалили тожно, спаслися. (Зап. в 1974 г. Подюковым И. А. от А. Ф. Сторожевой).

Привлекает внимание в этом тексте то, что один из самых ярких эпизодов Библии — легенда о Всемирном потопе — использована здесь как несколько анекдотическое объяснение исчезновения на земле мамонтов. Связано это, безусловно, со стремлением соотнести сюжеты ветхозаветной литературы с современностью. Заметим, что вообще-то духовные стихи о праведном и непорочном Ное довольно распространены в старообрядческой среде — нередко в них упоминается о том, что Ной не смог взять с собой великана Ога, который также не уместился в ковчеге (но тем не менее спасся, взобравшись на крышу дома). Представленный рассказ достаточно обытовлен (значимо, в частности, определение ковчега как *баржа*: баржестроительство было одним из самых распространенных в Усть-Уролке промыслов).

¹ Матеруший — очень большой.

Развернутый характер, своеобразный язык отличает сказку «Закаменный лес» (зап. от А. Ф. Сторожевой И. А. Подлюковым в 1974 г.). Название дано сказительницей (смысл его не вполне ясен), фактически же это аналог известной сказки «Три царства: медное, серебряное, золотое», вообще сказок о царской дочери:

«Жил-был царь, у етова царя была дочь. За ей ухаживала няня. Она ходила, гуляла, пришла раз на берег. Тут к берегу караб пристал, неизвестен откуда. Няня-та не уследила, царска дочь зашла на караб, паруса поднялись, караб отошел от берега неизвестно куда. Царь собрал собрание: вот какой выищется хороший человек, кто найдет мою дочь? За того ее взамуж отдам и полцарства. Один нашелся парень, взял с собой двух товаришей, солдат, сели они тоже на караб, поплыли. Приплыли к острову. К берегу подойти нельзя, камни. Они сели в лодку, подъехали. Тропку нашли, по ей пошли, пришли в лес. Тамо дичи всякой набили, идут дальше, видят — дом большущий. Зашли, а в ём котел большой. Стали дичь теревить, суп готовить. Парень и говорит: «Пусть один из вас остается, а мы пойдем, место посмотрим». Один остался, суп варит. Тутто приходи долгой мужик: «Ты че тут, солдат, делаешь»? — «Суп варю». — «Дай мне большую ложку, я посмотрю, уварился, нет». Солдат дал ему ложку, долгой мужик весь суп выхлебал, набил солдата, бока ему наколотил, сам ушел. Ладно, приходит парень с другим солдатом: «Где суп»? — «Я печку затопил да угорел». На другой день парень другого солдата оставил, сами ушли. Опять та же история — долгой мужик пришел, весь суп выхлебал, набил солдата, ушел. Пришли парень с солдатом, спрашивают: «Где суп»? — «У меня дрова сырые были, печку не мог затопить». Первой-от солдат думат: «Знаю я эте сырые дрова, мне вчера эте же дрова были...». На третей день парень сам остался суп варить. Суп сварил, пошел по дому, нашел ключ, шкаф, отворил шкаф-от, тамо стоит вино четверть. Тутто приходит долгой мужик, опять давай суп пробовать. Парень накормил его, выпоил ему всю четверть

вина, долгой мужик пал на пол и уснул, парень ему башку ссек. Пришли его друзья, он имя показыват голову-ту и говорит — вот-де какой у вас угар был, вот какие сырые дрова... А сам нашел у долгого мужика в кормане двенадцать ключей. Пошли они по дому, нашли двенадцать комнат, отперли двери ключами. В самой последней комнате нашли царскую дочь, сидит, шьется, а все золотом убито. А перед тем как послать парня искать дочь, царь дал ему царское кольцо. Царска дочь говорит парню-ту: «Уходи, детина, счас долгой мужик придет и тебя убьет». — «Нет, не убьет, я ему голову ссек». Она перво не верила, потом поверила, стала ценности со стен срывать. А кольцо-то он свое оставил на окне. Пришли с ей на караб, он вспомнил про кольцо, воротился по его, а царская дочь на карабле осталася. Капитан недолго думая отплыл от берега, застрашал ее, что если мол скажешь, что не я тебя спас, я тебя сейчас же в море брошу. А парень с друзьями нашел лодку, сел на ее и в погоню. Тут буря стала, перевернуло лодку, утонули солдаты, один парень спасся, приплескало его к берегу. Когда он очунял¹, в себя-то пришел, пошел по берегу по тропочке. Опять видит большой дом, у дома рога висят. Он давай в рога играть. Тут вышел седой старичок, не велит ему играть — говорит, оне у нас налажены зверей прикликать. Звери прибегут и тебя порвут. Иди лучше подрядись нашему хозяину в строк². — «Ладно, пойду». Хозяин его принял, сказал: «Вот во все комнаты в доме ходи, а в эту не ходи, сходишь, я тебе жалованье убавлю». Парень не утерпел, сходил, ему за это хозяин жалованье убавил. Так же на второй раз, и на третий. Хозяин его вовсе рассчитал, и сказал: «За службу дам тебе кошелек, его хоть сколько тряси — все деньги сыплются». И еще дал ему коня: «Поезжай на коне, только им не правь, он тебя привезет куда нужно, а доедешь до места, отпусти его, он ко мне вернется». Вот парень и поехал, и приехал в столицу, а там уже свальба. Парень потряс кошельком, денег

¹ Очунять — прийти в себя.

² Подрядиться в строк — наняться на работу.

нападало, он царю богатый обед заказал. Царь удивился: «Откуда это и вина, и ромы, и все, что царь кушает»? Парня туто и позвали на свадьбу. Царска дочь всех обносила питьем, парню-то подала, а он рукой взмахнул — не хочу, де, она колечко-то и увидела царское, узнала. После и говорит своему отцу: «Вот, папаша, которой меня разыскал, а вовсе не капитан». Тут и выдали ее за парня замуж. Вот и сказка вся, я тоже на свальбе у их была, мед пила, по узгам¹ бежало, в рот не попадало. Ишо был у их сиринькой коток, он скочил на потолок, сказку уволок. Было у их за двором-то озеро, в озере был рак, кто сказку слушал, тот дурак...»

Другая усть-урольская сказка — «Про ведьму-мачеху» близка к сюжетам типа «Дочь и падчерица», повторяет многие сюжеты сказок о Бабе-яге и также отличается крайне колоритной стилистикой, проработанностью деталей:

«Жили-были старик со старухой, у их была девка. Старухе она была неродная, не любела мачеха ее. Один раз ей и говорит: «Поди, девка, коров моих доить». А коровы-те у ей были медведи. Девка побежала, да перво зашла к своей родной баушке: «Баушка-баушка, меня мачеха наряжат коров доить». Баушка ей совет дает: «Ты возьми вот эту подоенку с собой, поставь ее и скажи: «Коровы-коровы, дойтеся сами». Она так и сделала. Коровы сами подоились, взяла она подоенку с молоком, домой притащила. Мачеха и думат: «Как это она подоила»? Ладно. Опять девке говорит: «Бежи-ко девка, овечек остриги». А овцы-те у ё были волки. Девка опеть к баушке. Та ей советует: «Возьми вот ноженки с собой, скажи овечкам: овцы-овцы, стригитесь сами да и шерстку мне подайте». Она так и сделала. Овечки остриглись сами, она шерсть домой принесла, мачехе. Та опеть думат: «Дак как же они ее не съили»? Снова ей задачу задает: «Бежи к моёй родной сестре по бердо». Ну, девка побежала, перво, конечно, к баушке зашла. Та ее всему научила, дала ей с собой всего — хлеб кусок, ленточку, тусок с легтем, щеть — волосы чесать, брус косу точить

¹ Узги — губы.

да гребень. Вот бежит, а навстричу ей мужик попадат, сам черной и лошадь черна. «Ты куды, девка»? — «К тетке по бердо». — «Не ходи туда, она тебя съест». — «Не съест». Дальше бежит, а встричу ей опять мужик попадат, сам красной и лошадь красна. «Ты куды, девка»? — «К тетке по бердо». — «Не ходи туда, она тебя съест». — «Не съест». Снова бежит дальше, встричу ей опять мужик, сам белой, и лошадь бела. «Ты куды, девка»? — «К тетке по бердо». Так и добежала. Подошла к ограде, тут собаки на ее кинулись. Она им хлеб дала, оне и успокоились. Стала заходить — тут голик у порога, скачет, не дает зайти. Она взяла его, ленточкой бассенько перевязала, растрепанной был дак, он в уголок лег тожно. Ворота бы открыват, а оне не отпираются, скрипят. Она взяла их и деготком подмазала, оне и отперлися. Полезла в избу-ту, чует — не русским духом чутко!¹ Старуха сидит и говорит: «Я тебя съем!» — «Не ешь меня, меня мачеха по бёрдо послала. Перво напой, накорми, дальны висти расспроси». — «Дак бёрдо-то у меня ишшо не доткнуто². Вот садись, дотыкай, я счас буду». А сама в ту пору ушла зубы точить — девку-ту исть. Девка недолго думая выдернула бердо, побежала. Ворота перед ей перво-то заторкались³, а потом признали ее, выпустили. Так же и собаки, и голик, вот она домой и побежала. А старуха выскочила, весь голик растрясла: «Ты пошто девку выпустил»? — «Я у тебя сколь годов, а ты меня ни разу не перевязывала, а она и ленточку не пожалела». Она ворота ругать: «Пошто девку выпустили»? Ворота ей говорят: «Она нас дегтем смазала». Собак тоже набила. Выскочила, села в свою ступу, поехала: «Ступи, ступа, семь верст, ступи-ступа, семь верст!» Догонят девку. Та как увидела, бросила через себя гребень — такой березник нарост! Сама дальше, а старуха вобратно, взяла топор, давай себе просеку прорубать, секла-секла, просекла. Опять догонят. Толды девка щеть бросила — такие елки нарости! Снова рубить зачала,

¹ Чутко — слышно.

² Доткнуть — доткать.

³ Заторкаться — застучать.

прорубила грань¹, говорит ступе: «Ступи, ступа, семь верст!» Опять догонят. Толды девка брус бросила. Такая гора стала высокоущая! Ступа скочит на ее да и скатится, скочит — да и скатится. Так она и воротилась ни с чем. Пришла девка домой, мачеху диво взяло: «Дак как же это она ее не съела?» Больше с мачехой девка жить не стала».

Более разработанными в традиции села можно считать исполнение духовных стихов, свадебных и похоронно-поминальных плачей. Крайне развернут здесь и репертуар хороводных и плясовых, а также шуточных песен (что не вполне типично для старообрядчества, исповедующего аскетизм, в том числе и эмоциональный).

«КТО БЫ ДАЛ МНЕ ЯКО ПТИЦЕ ДВА ПЕРНАТЫЕ КРЫЛА»

Духовные стихи

В данном разделе в основном представлены материалы, зафиксированные в фольклорном репертуаре А. Ф. Сторожевой, которые дополнены текстами, полученными от других исполнительниц из Усть-Уролки (Варвары Михайловны, Оксаны Абрамовны и Ирины Киприяновны Шаламовых, Евдокии Федотовны Якутовой, Агриппины Григорьевны Михалевой). Стихи (всего 26 текстов) записывались с 1975 по 2007 гг. разными фольклористами — И. А. Подюковым (1975), С. Н. Сандраковой (1986), музыкантами А. В. Вершининым и Е. Б. Бойковой (1990, 1991), С. В. Хоробрых (2007). Зафиксированный в традиции села материал даёт возможность уточнить наши представления о наиболее распространённых в конкретной локальной традиции сюжетах; позволяет не только выявить их территориальное распространение, но и рассмотреть вариативность текстов, вскрыть художественные особенности индивидуального стиля исполнителя.

К нашим дням появляется все больше работ по описанию состава и истоков уральского репертуара духовной поэзии, по выявлению отраженных в ней особенностей религиозного мировидения, по анализу мелодического строя стихов и манеры их исполнения¹. Духовные стихи — это эпические или лирические фольклорные произведения религиозного характера, бытующие в устной и письменной традиции. Стилистически неоднородные, эти тексты внешне могут

¹ См.: Никитина С. Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982.; Казанцева М. Г. Духовные стихи в старообрядческой и православной традиции Урала. — Христианское миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Великопермского). М-лы Международной научно-практической конференции. Том II. Пермь, 1997. С. 247–266; Казанцева М. Г. Об изучении формирования репертуара духовных стихов Урала. // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской археографической экспедиции. Тезисы докладов научной конференции 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 25–28. Kowalska H. Rosyjski wiersz duchowny i kultura religijna staroobrzędowców pomorskich. Wrocław; Warszawa, 1987.

¹ Грань — здесь: просека

быть похожи на былины, баллады, на лирические песни и даже на жестокие романсы. В современной традиции старообрядцев соседствуют старые эпические стихи и рифмованные, «куплетные» стихи более позднего характера (чаще всего взятые из печатных сборников нач. XX века). Исследователи говорят о широком бытовании в народной культуре сотен сюжетов духовных стихов, каждый из которых к тому же довольно активно варьируется. Вариантность текстов во многом связана с тем, что носители традиции в наше время «перенимают» их друг от друга с голоса, «по напевке», а также разучивают с ходящих по рукам «списков».

Закрепленность духовных стихов по преимуществу в старообрядческой среде неслучайна — для этой конфессии характерно отсутствие священства и, соответственно, проповедей, выражающих основы христианского учения и христианской этики. Стихи, обычно содержащие назидательное поучение, в определенной степени и служили их заменой, были своеобразным народным учебником древлеправославной веры. Основное их содержание — воспевание божественного идеала «вечного и радостного бытия», вне которого земная жизнь человека представляется лишь как юдоль страданий, одиночества и горя.

Выполняя роль посредника между письменной христианской и устной народной культурой, стихи выражают народное представление о святости. По мнению многих исследователей, народную веру не следует понимать как упрощенный, обедненный вариант книжной, «церковной» веры. Г. Федотов характеризовал народно-религиозное мировоззрение как христианское, сохраняющее в глубине черты язычества¹. Соединение христианского и фольклорного формирует самостоятельную, довольно сложную систему народной этики, «нерасторжимый сплав, представляющий качественно иное духовное образование, чем ортодоксальное христианство, сплав, где преображенное язычество стало необхо-

¹ См.: Н.И. Толстой. Несколько слов о новой серии и книге Г. П. Федотова «Стихи духовные» // Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Paris: YMCA-Press, 1991. С. 5.

димой частью мировоззренческой системы»¹. В духовных стихах основные понятия веры изложены в понятиях и эстетических категориях, «присущих именно народному сознанию и с помощью характерного для крестьянства языка»². Следовательно, в народных духовных стихах мы имеем дело не столько с религиозной идеологией, сколько с народно-художественным способом осмысления и христианского вероучения и целого ряда мировоззренческих категорий.

Усть-урольская традиция духовных песнопений весьма своеобразна. Как уже отмечалось во вступлении, владение А. Ф. Сторожевой традицией духовного пения представлено в статье музыковед Е. Б. Бойковой (Вершининой) «Не вера наша ослабела — мы ослабели», посвященной 80-летию народной певицы³. Е. Б. Вершинина, указав, что от А. Ф. Сторожевой записано полторы сотни песен, более двадцати духовных стихов, называет её хранительницей старообрядческой традиции. Характеризуя бытующую в селе манеру исполнения, Е. Б. Вершинина считает усть-урольскую традицию уникальной — в ней отражены и позднейшие, ориентированные на городской песенный фольклор формы (берущие начало от кантов и псалмов XVII — XVIII в.), и формы, связанные с древним знаменным распевом.

А. Ф. Сторожева наиболее полно представляет традицию усть-урольского духовного пения. Она, получив ее от более старшего поколения, в частности от своей родственницы Варвары Михаловны Шаламовой, не только была одной из лучших исполнительниц, но и многие годы выполняла в согласии обязанности наставницы (вела службы, крестила, отпевала умерших, венчала, принимала покаяния). Доминируют среди полученных от неё текстов стихи-размышления о смерти, стихи, представляющие исповедь, покаяние

¹ Никитина С. Е. «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Paris: YMCA-Press, 1991. С. 141.

² И. В. Поздеева. Книга — личность — община — инструменты воспроизводства традиционной культуры. — В сб.: Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. — Пермь, 2001, С. 14.

³ См.: Медный всадник. Журнал Петровской академии наук и искусств. — СПб, 1998, №2. С. 94—96.

Духовные стихи

грешной души. Содержание стиха, обращенное к экзистенциальной проблематике, диктует и особую манеру исполнения — стихи полагается петь негромко и «умильно» (недаром в рукописных сборниках часть стихов носит название «умилительных»). В ряде случаев исполнение стихов в Усть-Уролке демонстрирует архаичную манеру, некоторые тексты исполняются речитативом. Соответствует содержанию стихов малое количество экспрессивных средств, в целом сдержанный художественный язык, активное использование традиционных формул, отличающихся стертой, ослабленной образностью.

Не входя в богослужение, духовные стихи тем не менее имеют обрядовую прикрепленность. В Усть-Уролке, по словам А. Ф. Сторожевой, пожилые охотно пели их по воскресеньям. В традиции старообрядчества стихи всегда были закреплены за определенными периодами — прежде всего постами, христианскими праздниками, похоронными обрядами (особенно часто исполняются на поминках, панихидах). По наблюдениям М. Казанцевой, на Урале нередки случаи, когда отдельные духовные стихи использовались в свадебном обряде (например, как опевальная песня невесте в обручении); могли они использоваться даже в функции святочной колядки. Их пели также и на покосах, в перерывах между службами — в минуты отдыха. Особенно часто поют их после богослужений и в посты, когда воспрещаются всякие развлечения и светские песни. Пение духовных стихов, как и их прослушивание, имело, несомненно, душе-спасительные цели.

В сфере духовной поэзии к нашим дням мы имеем дело с постепенным разрушением текстов (известна даже точка зрения на современные духовные стихи как на «безграмотные»). Многие поздние стихи забываются целыми куплетами, а старые эпические стихи, стираясь в памяти, легко переходят в пересказ. Состояние жанра хорошо иллюстрируют и усть-урольские материалы. Так, вполне прозаическое оформление имеет зачин помещенного в настоящем

«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла»

сборнике стиха «Дева Мария и два жиды»: «*Со страхом, братия, послушаем, Во святом граде Ерусалиме ходила тут дева Мария, С ею-ту были две мироносицы-жены. Попали им встречу — два жиды идут. Спросила тут дева Мария — где вы жиды были, куда гребите*». Особенно показательно здесь использование просторечной и диалектной сниженной лексики (*встречу* — ‘навстречу’, «куда гребите» — ‘куда идёте’; глагол *гребите*, возможно, появляется как осмысление формы *грядете*). диалектной постпозитивной частицы — *ту*,

Тем не менее и в данном тексте налицо использование ряда особых художественных приемов. В строках (при целом ряде отступлений) очевидна установка на сохранение ритма. Строка «*Плачьте вы, небо и земля, плачьте вы, солнце и луна*» содержит два равных по слоговому строю предложения (в каждом по восемь слогов), следующая строка «*Плачьте, реки и моря, плачьте, вдовы и сироты*» состоит из двух равных предложений, каждое из которых содержит семь слогов. Строка «*Били там, мучили Иисуса Христа, бивши-мучивши, в темницу сада*» содержит, помимо синонимических повторов, внутреннюю рифму.

Стихи могут быть как рифмованные, так и безрифменные. Некоторые из зафиксированных в Усть-Уролке стихов демонстрируют архаичное силлабическое стихосложение — в этом случае в строке нет регулярного (размерного) чередования сильных (ударных) слогов и слогов слабых, безударных: «*По всему тогда да свету белому // Протекёт река, да река огненна*»; «*Пусть валяются жо да души грешные, // Пусть валяются оне да сквозь сырой земли*» (стих «У святых-то отцов было написано»). В усть-урольской традиции часты случаи одновременного использования силлабики (когда при отсутствии рифмы и метра строка упорядочена общим количеством слогов) и применения определенного стихотворного размера. Так, в строке «*Иду я долиной, поет соловей, // Иду я, вздыхаю, повсюду я зрю*» (стих «Иду я долиной») мы видим смешение трехслогового размера (анapesta) и силлабики (ср. также — «*Тут огонь горит, да разгорается, // Тут смола*

кипит да раскипается» — стих «Что ле душа с телом да не простилася»). Особенно часто применяется хорейская основа — «За спиною смерть с косою, // она ходит и не спит. Она еть ходит, надзирает, // у кого бы снеть глава» (стих «Жизнь плачевну-ту провожаю»), «Где ты, Агница, сокрылась, Я которую люблю» (стих «Агница»), «Жена Лота оглянулась, Стала каменным столбом» (стих «Вечер сумерки наступали»).

При оформлении стихов активно используются повторы, рефрены, синтаксический параллелизм («У святых-то отцов было написано, У святых-то отцов было узаконено»), единоначалие («И хоть и грешная, и беззаконна, я твоя, создатель, тварь. И не лиши же ты меня, Боже, благодати-то тьё»; «Плачьте вы, небо и земля... Плачьте, реки и моря»), инверсированный порядок слов (река огненна, трубы золоты). Очевидно также обращение к звуковым повторам и внутренней рифме («Тело-то бело помертвело, и язык-от замолчал» — стих «Смерть-та люта и гневлива»), часты «подхватывающие» повторы («Тут ле заснут стоять да святы-те ангелы, Святы-те ангелы, святы архангелы; Праведны стоят, да как свечи горят, Как свечи горят, да разгораются»).

В стихах высокочастотна книжная, старославянская лексика: град — город, глагол — речь, скорбеть, сокрыться, рците говорите (повелительное наклонение от ректи), злато, шествовать — сойти, воспрянуть, лета — годы, вопиять, зреть. Ряд слов и выражений книжного характера получают своеобразную диалектную огласовку: гоенна — геенна, суета — суета. Выражение в мгновение ока использовано в форме обговения ока, слово чертог заменяется словом чердак («На чердаке цветы златые, все да ангелы поют» — стих «Умоляла мать родная»). Активно применяются абстрактные слова — вечность, прощеньицо, умиление, покаянье, в том числе и в диалектной обработке (издеванье — издевательство, беззаконство — беззаконие, мотарство — мытарство).

Применяются (нередко также ненормативно) разнообразные книжные грамматические формы. Это деепричастия

(«Оне увидят дни златые, Не скучая, не стояя»; «зря меня во гробе»), краткие прилагательные («Добродушен святой старец в гости странничков зовёт», «я сед», «я грешна и беззаконна»), устаревшие грамматические варианты («Святаго страдальца я дёрзко толкнул», «Ты свое дело твориши»), рассогласование существительного и прилагательного («Я ле мо ушёл жо из своей килы, Да из весёлой да земляные», «в небесные обитель», «два пернатые крыла» — из архаической формы земляныя, небесныя, пернатыя). Носитель традиции нередко использует древние формы, явно не зная их смысла (например, во фразе «О, кто бы дал бы мне, яко птице» старославянский сравнительный союз яко используется с именем в винительном падеже — «яко птицу»).

Одновременно с книжными формами тексты стихов обильно «инкрустированы» формами диалектными. Это прежде всего диалектные слова и выражения (туто — тут, здися — здесь, заснут — начнут, дёрзко — дерзко, Псалтыря — псалтырь, вьюнош — юноша, доступить — достать, отемнить — ослепнуть, упеть — спеть, левица — лъвица; плачёт, как река течёт, рыдает, как ключи кипят о сильном плаче, туском призатускнуть — потускнеть, ни писку ни вереску — никакого звука). Активно включаются в строй предложения разнообразные частицы — *еть* — ведь, *ле* — ли, постпозитивная согласуемая частица — *то* («Тут ле заснут стоять да святы-те ангелы», «Уж ты ле пташка ле бедняжка», во второй-от раз, один-от Бог, «Жизнь плачевну-ту провожаю», все-те, святы-те). Из диалектных грамматических явлений особенно частотно применение стяженных форм прилагательных (праведны — праведные), винительного прямого дополнения («Мне своя душа спасти», «Смерть...ходит, надзирает, у кого бы снеть глава»). В исполнении стихов наглядно представлены и фонетические особенности говора — *пролёжать*, *прошшать*, *целовек*, *для цего*. Такое сочетание форм «природного» языка и форм, взятых из книжности, не только порождает орнамент сказовости, но и очень точно отражает соедине-

ние в сознании представителя старообрядчества книжности и устности, живой эмоции и ищущей истины мысли.

Как и тексты других жанров фольклора, духовные стихи отличает формульность. Она проявляется, в частности, в активном применении однотипных грамматических построений. Так, риторическое обращение-вопрос «О, кто бы дал бы мне, яко птице» в зачине одноименного стиха структурно напоминает обращение в стихах «Кто дал бы мне источник слез» («я плакал бы и день и ночь»), «Кто бы, кто бы кто бы мне построил («келью во темных лесах»)). В формульном составе отмечено также использование целого ряда устойчивых сочетаний типа «муки вечные-предвечные», «дни златые», «рай блаженный», «Царь небесный». Активно используются этикетные именованья Бога с помощью личных местоимений «Ты», «Он» («Тебе молятся да души грешные, Чтобы избавил Ты их от муки-то вечные»), слов типа Владыка, Учитель, Господь (Восподь), Творец. Устойчивые перифразы характеризуют «тот мир» — он определен в них как «иная страна», «начало», «рай прекрасный, всех на свете лучше стран», место, где «ни дня нету, ни ночи, свет сияет всегда», где «Поля устланы цветами, розы запах издают. Роши чудными древами, тамо ангелы поют». Образы этого («сега») мира в стихах редки — это жизнь странника, чужбина, отсутствие родного дома, забота-суета (сувета), страдания («Никому-то меня не надо, горьку странницу в селе»; «Дома родного нигде не найду»). Крайне высока частотность общенародных тропов и фразеологизмов — свет белый, сыра земля, вёсна красна, бела горенка, зеленый сад, пора-времечко, путь-дороженька, веки вековать, плачет — как река течёт, седой как лунь.

Показательно высокочастотное использование в стихах народно-христианских мотивов, раскрывающее такое свойство старообрядческого фольклора, как повышенная его нарративность (наличие сюжетных, событийных формул). Так, в стихе «Под сосёнкой молодой» использован частый в русском фольклоре и в поэзии мотив «высушить море»

«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла»

(«Ино я высушу да синё морё, Доступлю тебе крест церковный»). Обозначая способность сделать невозможное (аналогично поэтическим тропам *сдвинуть горы, погасить звезды*), формула указывает на всевластие божества, его слова.

В этом тексте имеет место использование еще ряда формул. Это введение мотива «потеря ключей», который обозначает невозможность достижения грешником блаженного рая. Он встречается и в религиозных сюжетах (так, в стихе «О грешной душе» ключи от рая теряют св. Петр и Павел, объясняя этим то, что они не могут пропустить в рай грешную душу. — Свердловская обл., зап. В. Бирюкова), и в сюжетах, не связанных с «райскими ключами». Мотив брошенных на дно моря ключей част, например, в севернорусских свадебных причетах; так, в новгородском плаче невесты говорится: «От замков ключи потеряны, во сине море опущены. Ты взойди, красно солнышко, обсуши ты сине море. Уж вы свет мои подруженьки, вы сходите на сине море, поищите золотых ключей».

Это, наконец, использование достаточно затемненного мотива «плакания на сады» (в совете, данном Богом иноку: «Ты отлей-ко все сады слезами, — Я спишу тебе святую книгу»). Ассоциативно этот совет, как представляется, связан с известным в народной культуре плачем на цветы, поскольку само слово *сады* в говорах Прикамья нередко обозначает цветы (ср. известный в прошлом ритуал плакания на цветы в Троицу в знак поминовения умерших). Слезы здесь — не только метонимический знак горя, но и знак души, знак связи между человеком и божеством.

Стихи насыщены специфической христианской символикой, интертекстуальными отсылками к библейским текстам. Использованные символы не всегда понятны для непосвященного. Стих «Дева Мария и два жиды», обращенный к смерти Христа, является вариацией широко распространенного плача Богородицы. Встретившиеся дева Марии с женами-мироносицами жиды рассказали о том, что они «били-мучили» Иисуса Христа, после чего Богородица падает без

чувств на землю, а потом, придя в себя, плачет, обращаясь к миру со словами: *«Плачьте вы, небо и земля, плачьте вы, солнце и луна. Плачьте, реки и моря, плачьте, вдовы и сироты. Убит мой сын Иисус Христос»*. В зафиксированном в Усть-Уролке варианте отсутствует мотив явления Иисуса Христа (в большинстве распространенных текстов о плаче Богородицы явившийся Христос утешает ее, говорит, что воскреснет через три дня).

В тексте усть-урольского варианта упоминаются две жены-мироносицы, хотя известно, что спутницей девы Марии были три жены-мироносицы (Мария Магдалина, святая Мария Клеопова и святая Иоанна; в их честь, как известно, установлена третья неделя по Пасхе). Жены-мироносицы, первые свидетели и первые вестницы Воскресения Христова, «полагали» тело Иисуса Христа, помазали его благовонными маслами; для верующих они являют пример истинной жертвенной любви и самоотверженного служения Господу.

Как представляется, замена числа три на два (а фактически искажение библейского сюжета) носит не случайный характер. По версии С. Е. Никитиной, четные числа в символике духовного стиха связаны с царством мертвых. Поэтому в стихах мучителями Христа являются два жиды, а за душой умершего приходят два ангела: *«Как топеря душа переставилася, Прилетели к ней двое ангелов»*. Поскольку троичность маркирует мир живых, символическое использование числа два четко указывает на то, что носитель традиции соотносит воссоздаваемую в стихе ситуацию с иным миром.

Одно из самых частотных в стихах понятий — тема греховности человека. Идея греха, одного из основных понятий христианства, мысль о неминуемом наказании за грехи всеведущим Богом наглядно выражается в стихе *«У святых-то отцов было написано»*. Опираясь на авторитет учителей церкви, Святых отцов (к ним обычно относят святителя Иоанна Златоуста, святителя Василия Великого, святителя

Григория Богослова, святителя Филарета Московского, преподобного Ефрема Сирина), стих передает эсхатологическую идею конца света как наказания за грехи человечества. Центральный образ стиха — образ огненной реки, сжигающей грешников: *«Грешные стоят, да ровно головни, Ровно ле головни да опалённые, Опалённые да огорёлые»*. Обращаясь к Богородице, грешники просят заступиться за них, на что Богородица отвечает: *«Пусть валятся жо да души грешные, Пусть валятся оне да скрозь сырой земли, Чтобы не слышно было не писку, не вереску»*. Живописание этого мотива Страшного суда существенно — ведь ожидание, предчувствие Страшного суда в сознании старообрядца составляет одну из сторон покаяния. Именно у грани, отделяющей жизнь земную от вечной, душа верующего трепещет *«страхом Божиим»*, а обращение к Богу становится искренним. Христианский сюжет контаминирован здесь с архаичным мотивом проваливания сквозь сырую землю (ср. в клятве *«чтоб мне сквозь землю провалиться»*, в выражении *«как сквозь землю провалился»* — о бесследном исчезновении, в которых используется древнее представление об аде, подземном обиталище усопших грешников, где их души испытывают страшные мучения).

Стих *«Умоляла мать родная»* (широко бытует по настоящее время, отмечен в репертуаре многих старообрядческих хоров и ансамблей) содержит обращенную к дочери просьбу матери не ходить замуж, поскольку замужество грех: *«Ты ле не зарься-ко да на честь да земную, на заботы-суеты»*. Мать внушает дочери: *«Твой жених с небес Творец»*. Стихи, прославляющие целомудрие (*«девственницы — церкви Божия себе»*) распространены в старообрядческом репертуаре, особенно среди беспоповцев-безбрачников. Усть-урольский вариант не содержит известных по другим текстам наказов (не пить вина, любить себя, быть осторожной и пр.). В нём отсутствует проникнутый дидактическим смыслом финал — мать ограждается крестом и умирает, а о деве говорится, что она *«не забыла»*

материн наказ», «без пристрастия земного она жизнь свою ведет».

Частый в стихах мотив расставания души с телом также связан с темой покаяния, т.е. с осознанием человеком своей ответственности перед жизнью, миром (именно в покаянии, слезной молитве перед Богом раскрывается подлинная личность). В стихе «Что ле душа с телом да не простилася» изображены «мотарства» души — её ведут «ко перву горю», «ко втору горю», «ко третью горю», где огонь горит. Завершается стих вопрошанием души — почему отцы-матери не учили умершего тому, что за грехи ждет наказание огнем. Этот стих перекликается с известным в Прикамье, часто используемым в обряде поминания души стихом «Растянулся раб по лавочке», где «ангалы» добывают душеньку («пилой пилили, душеньку добывали») и затем уносят ее «на три горы Саянские» («Троянские»), «на муки вечные».

Среди стихов о ветхозаветных и евангельских событиях примечателен стих «Самарянка» (широко известный и под названием «Водонос»; исполняется старообрядцами прежде всего в неделю жен-мироносиц). В религиозной традиции он более распространен с другим содержанием. В нем передан диалог Господа со встретившейся ему у колодца женщиной-самарянкой (жительницей Самарии, области Израильского царства). Самарянка сначала отказывает в просьбе Господа дать напиться, но когда Господь разоблачает ее, что она живет не с мужем, самарянка узнает в нем пророка. После этого самарянка идет сказать людям, что «явился Христос, который творит чудеса» (зап. от Лидии Михайловны Бессоновой, 1938 г. р., г. Лысьва). Впоследствии эта женщина стала св. Фотинией и вместе со своими сыновьями приняла мученическую смерть за Христа.

История о встрече Иисуса с жительницей Самарии, описанная евангелистом Иоанном, считается первой в евангельском тексте, где Господь определенно высказывается о том, что он и есть Мессия. При этом крайне значимо, что признается Христос женщине, представляющей самарян,

«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла»

людей в известном смысле отверженных, не сумевших в чистоте сохранить первоначальное учение и отчасти сохранивших языческие обычаи. То, что Иисус попросил у женщины воды как у равной, показывает, что для Спасителя и «неправильно» верующие остаются его детьми. Иисус дает понять женщине, что он предлагает не обычную воду, а воду духовную, живую воду благодати Святого Духа, которая очистит ее от грехов, если она покается. Стих символически переводит внешне бытовую ситуацию в притчу о живой воде веры, указывает, что путь к освобождению от грехов и к спасению души есть для человека всегда.

Евангельский образ аморальной и дерзкой девушки-самарянки широко распространен в славянской народной культурной традиции — в Польше, Белоруссии, в Полесье и на Карпатах, на Смоленщине¹. Он существенно фольклоризирован, положен в основу огромного числа баллад о наказании грешной девушки, умертвившей (утопившей) своих рожденных вне брака детей. Доминирует в них мотив наказания девушки — грех вызывает кару земли, земля разverzается, поглощает грешницу.

Записанный от А. Ф. Сторожевой стих «Самарянка» повествует о встрече наказанного Богом, скитающегося страдальца с самарянкой и ничего не сообщает о самой женщине. Оскорбив, оттолкнув Господа, герой стиха, скиталец осознает свой грех, говорит о том, что надо страшиться прогневать Творца, наказание которого будет бесконечно. Христос предстает в стихе как Царь грозный, Судья немилостивый, не ведающий снисхождения к грешникам. Самарянка в тексте стиха — лишь слушательница.

Стих о Содоме «Вечор сумерки наступали» (известен и под названием «Лотова жена») отражает представление о городе, жителей которого, как известно, отличали «похоть очей, похоть плоти», житейская гордость. В нём повествуется о жене библейского Лота, племянника праотца Авраама. Библейское сказание о жителях ветхозаветного города Седо-

¹ См.: С.М. Толстая. «Самарянка». www.ruthenia.ru/folklore/tolstaya3.htm.

ма (Содома), которые стремились к такой жизни, в которой нет Творца, а есть только грех, делает акцент на Божьей каре (поэтому Содом-город и Гоморра, Угомор-город — города, которые «сквозь землю прошли», часто упоминаются в духовных стихах). Согласно Книге Бытия, город был разрушен Богом в наказание за грехи: Бог послал на него огонь и серу с небес (Библия, Бытие, 19 гл.; по предположениям ученых, библейский миф мог быть связан с реальным землетрясением, во время которого могли воспламениться скопления метана под Мертвым морем).

Сюжетно стих представляет событие у содомских ворот — святой старец приглашает в дом странников. Он, понимая, что это не простые странники («У их кудри золотые, вся и Троица в лице»), спрашивает, зачем они пришли. Один странник отвечает, что они пришли со спасением. Далее жители города окружают дом Лота, чтобы убить его семью. Ангелы торопят Лота уйти с женой и детьми, чтобы не погибнуть за беззакония, выводят их из города. Жена Лота, хотя всем им было запрещено оглядываться на погибающий Содом, уходя, оглянулась и за непослушание была превращена в соляной столп.

Притчевое начало сюжета заключается в призыве не оглядываться на протекшую земную жизнь, а устремлять взор вперед, к Богу. Содом есть воплощение мерзости, подлежащей уничтожению, «казни огненным дождем», а мерзость не может вызывать ностальгии и жалости. От праведного человека требуется забыть этот грех, уйти и возблагодарить Бога за то, что вывел; желание оглянуться в этой ситуации есть не что иное, как голос демонического искушения. Спаситель предостерегает нас от ложного любопытства, которое останавливает человека на пути к добру. Сюжет подсказывает верующему, что бесконечное спасенье, жизнь вечная, осуществление всех надежд всегда только впереди.

Стих «Агница» повествует о поисках пастырем заблудшей овцы («Где ты, агница, сокрылась?»). Пастырь призывает агницу вернуться к стаду, «сообщиться» сердцем с Богом и

тем спасти свою жизнь; проводить «дни златые не вздыхая, не стена». Агница же пребывает в сомнении — «Все крушит меня, смущает, я не знаю, как идти».

Для понимания стиха значимо отношение слова «агница» к слову-символу *агнец*. С помощью него в христианском учении обозначается идея жертвенности. Агнем называют Иисуса Христа, который, подобно ветхозаветным агнцам, принесенным в жертву ради избавления еврейского народа из египетского плена, пожертвовал собой ради избавления человеческого рода от власти греха. Впоследствии слово стало широко использоваться как поэтический образ кротости, смирения и покорности. Парное к нему *агница* соответственно выражает ту же идею смирения, верности и преданности Христу.

Стих «Под сосёнкой молодой» (о молодом монахе) повествует об иноке, осознавшем, что он «рано постригся», ушедшем «из веселые кельи»; потерявшем «святую книгу Псалтырю», утопившем крест церковный. Встретившийся ему Господь утешает: «Ты отлей-ко все сады слезами, — Я спишу тебе святую книгу, Доступлю тебе крест церковный». Текст аналогичного стиха «Зеленая кедра», записанный в Юрлинском районе, о монахе в черной ризе, более конкретно говорит об ослаблении веры молодого монаха — он признается, что потерял не только божью книгу, ключи от рая, но и божью веру. В этом варианте другой монах советует ему идти в храм к Пресвятой да Богородице: «Она даст тебе да книгу нову. Она высушит да сине море, она выбросит ключи на берег». (Зап. от Т. Р. Суворовой, 1916 г. р., д. Булдыри Юрлинского р-на). Известны также варианты, где инок встречается не с Богом, не с другим монахом, а с ангелом (или с двумя ангелами), признаваясь, что «млад zelo постригся», что «одолели злые мысли, Позабыл я чтение-пенье и ночью свое моление».

Один из основных носителей смысла этого стиха — мотив искупительного, покаянного плача. Бог ослабевшему в вере иноку советует: «Ты пойдик-ко да, выюнош, да воротися, Ты отлей-ко все сады слезами, — Я спишу тебе святую книгу».

Слезы в традиционной культуре известны как представление мифологемы живительной воды, в связи с чем плач воспринимается как сакральный акт, как «знак не только горя и смерти, но и души вообще»¹. Сходным образом в другом стихе («Зирай приближень») может быть понят совет «верным в вере»: «Верные все вы в вере, Приходите и прослезите святой храм».

Большинство духовных стихов репертуара А. Ф. Сторожевой — сравнительно позднего происхождения. Стихи типа «Умоляла мать родная...», «Смерть, ты люта и гневлива», «В двери кузницы», «Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла» хорошо известны на Русском Севере, распространены на Верхней и Средней Печоре у старообрядцев коми². Стих «Зирай приближень» повествует о мимолетности жизни («Текут времена и лета Об меговения ока»), содержит призыв прийти в храм («Приходите и прослезите святой храм»). Вероятно, он представляет собой свободное переложение, развертывание известного в прошлом силлабического стихотворения поэта и философа XVII — нач. XVIII в. Стефана Яворского «Взираи с прилежанием» («Взираи с прилежанием, тленный человеке, како век твой преходит и смерть недалече...»). Считается, что в старообрядческую среду этот стих вошел благодаря братьям Андрию и Семену Денисовым, возглавлявшим Выго-Лексинское староверческое общежитие; популярность стиха могла быть поддержана тем, что в сер. XIX в. были распространены лубочные иллюстрации к этому стиху.

Стих «В низенькой избушке» повествует о смерти старушки. Она кается перед смертью, что жила в грехах, говорит, что ужасается смерти и «гоенны», обращается к милосердному Богу, чтоб он забыл её прегрешенья. Стих заканчивается тем, что за душой умершей прилетает ангел («Этот, этот ангел, он ее простил»). В широком бытовании у других

¹ Жаворонок С. И. Лирическая формула в традиции и тексте. — В сб.: Культурно-исторический диалог. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. С. 72.

² См.: А. А. Чувьоров. Духовные стихи в культуре коми-зырян: локальные традиции. В этой же работе А. А. Чувьоров указывает, что бродячие вычегодские коми певцы, вычегодские крестьяне часто приезжали в Прикамье на заработки.

исполнителей стихов в Усть-Уролке сюжет дополнительно развертывается — прилетевший ангел говорит ей, что «Владыка простил» и зовет с собою «в небесные обитель». Финал наглядно иллюстрирует мысль, что за смертью следует вечная жизнь души (старушка говорит: «А я теперь уж буду вечно молодой»); оглянувшись на свое ложе, она видит свое недвижимое тело).

Некоторые стихи практически не содержат никаких собственно религиозных образов и персонажей, темы веры, греха и пр. В стихе «Злое-то несчастье», как в средневековой повести о Горе-злосчастии, говорится о встрече героя с несчастьем. Жалуюсь на судьбу («Никакой ты, судьба, награды мне-ка не дала»), герой лишь высказывает свою печаль: «Никому меня не жаль», «Приходится веки вековать, вечно слезы лить». Лирикоэпическая полуфольклорная и полукнижная повесть, которая довольно близка к духовным стихам, представляет для стиха своеобразный фон — в ней падший молодец, преследуемый своим двойником Злосчастьем, от слабостей и недобрых мыслей спасается уходом в монастырь. Близок к стиху «Злое-то несчастье» стих о доле. Фактически это не стих, а стиховое переложение известной песни «Ох ты, доля, моя доля». Она широко бытует как песня узников («Ах зачем ты, злая доля, До Сибири довела?» — герой шел с челобитной к царю просить, чтобы отменили высокие подати, и был отправлен в рудники), как песня бедняка (в репертуаре семейских Забайкалья; поётся о пустых огородах, босых детях, нищете). Известны также варианты, где горькая доля связывается с необходимостью жить на чужбине с нелюбимым, переделки на тему Великой Отечественной войны («Ах ты доля, злая доля, доля горькая моя! Ах, зачем же, злая доля, до гестапо довела?»).

Стих «Кукушечка» (особенно популярен у старообрядцев) повествует о судьбе птицы, счастье которой было недолгим («Когда птенцам гнездо вила, Тогда была счастливая. Среди зеленых веточек Качала малых деточек»). «Плачевная жизнь» её связана с тем, что «Острый ястреб налетел, Им головки

отвертел» (в других вариантах этой песни о птичке-перелетнице детей кукушки губит «гордый ястреб». — зап. в Лысьве от Булдаковой А. С., 1921 г. р.). Смысловой фокус стиха — «С той поры печальна я, С той поры тоскую я». Как представляется, закреплённость песни в репертуаре связана не только с печальным её смыслом, но и с устойчивым фольклорным осмыслением кукушки как вестницы с того света, как одного из образов души. Примечательно, что в других традициях сюжет используется как основа баллады о несчастной любви (в ее содержании появляются три девицы-обманщицы в трех теремах, которые «Вчера клялись, божжились, А ныне не так поют»); даже как колыбельная детям. В усть-урольском стихе актуализированы несколько иные культурно-символические коннотации. Кукушка здесь сродни плачущей, это птица, испытывающая вину перед родом и семьей, а её кукование расценивается как голос с того света, связывается с отрицательными событиями (чаще всего оно предвещает нечто дурное — смерть, вдовство, сиротство).

Песни о птицах вообще часты в старообрядческой среде — см. также стихи «Уж ты ле пташка ле бедняжка...», «Что ж ты пташка-канарейка...» о «милой птичке», залетевшей «в дальные края» (сюжет их нередко заканчивается тем, что птица попадает в клетку). В усть-урольском варианте стиха «Ах ты доля, злая доля» тема горькой доли, сиротства дополнена мотивом превращения героини в птицу. Героиня летит на поиски заброшенной доли, «в родину святую», где обращается к лежащей в земле матери с просьбой выйти из сырой земли и послушать, как ей живется.

Ряд текстов показывает, что А. Ф. Сторожева нередко творчески относилась к стихам, насыщая их сугубо фольклорными элементами. Так, известное стихотворение «Смерть-та люта и гневлива» в ее исполнении теряет образ монаха-отшельника, сидящего «в малой келье» и ожидающего смерти. В стихе появляется женский образ, и героиню смерть застает в белой горнице: «В белой-то горенке меня застала, в белой-то горнице одныё». Использование этого

образа с идеализирующей семантикой здесь особенно примечательно. Обычно он используется в свадебной поэзии как указание на локус, с которым связано свадебное торжество: «Во столовой белой горнице Красна девица белится, Она белится, румянится, Хорошо снаряжается, Во цветы убирается»; «Во столовой белой горнице, На стулечке на ремещатом, На ковре на красном золоте Тут сидит да добрый молодец»; «Во светлой во светлице, в столовой белой горнице, Тут сидят князя-бояра»¹.

Образ как нельзя более точно выдает состояние героини — страх перед смертью, жажду земной жизни, что специально проясняется строчкой «Тут еть уж боязнь на меня напала, как увидела эту смерть». Героиня просит смерть дать еще пожить: «Ты оставь-ко меня на мало время мне-ко на сем свету пожить». Дальше следует «живописание» смерти, уже мужского персонажа: «Тело-то бело помертвело, и язык-от замолчал. Очи-те туском призатускли, и я зубы крепко сжал»; в характеристике соматики особенно выделяется тавтологизм туском призатускнуть — потускнеть). Оно еще более свидетельствует о том, что идеей стиха является не призыв стоически принимать неизбежность, не осмысление смерти как платы за грехи и как начала настоящей жизни человека, а провозглашение ценности самой земной жизни. Наряду с обязательным прощанием с родными и призывом оплакать («Вы простите-ко меня, простите, мир и ближней человек»; «Вы пролейте-ко слез ручей») стих содержит просьбу поминать «во жизни всей», что по сути выражает стремление умирающего остаться включенным в неразрываемую цепь поколений.

Особенно значимы для стиха образ лютой смерти (осмысляется как зооморфная метафора) и образ могилы как «земной утробы». Последний образ, за которым стоит древнее персонафицированное представление о Матери-Земле, отмечен в формульном языке русской поэзии XVIII в.: «коих поразила,

¹ Образ встречается и в похоронных плачах, но обычно при воспоминании о счастливой жизни в прошлом. Так, в плаче по матери говорится: «А не сведешься ты с нами Не на пути тесном и на дороженьке, И не на рыночке, не на базарочке, И не во белой горенке» (Карагайский район, Пермский край).

... Мне мнится, из земной утробы Глаза подъявше, вопиют» (А.П.Сумароков). Известно, что старообрядческая традиция не принимает подобных аналогий, поскольку подобное представление «человечности» природного представляет своего рода языческий миф. Аналогично в стихе «Жизнь плачевну-ту провожаю» появляются образ смерти с косою, которая не щадит ни бедных, ни богатых, и связанное с этим образом вполне пантеистическое уподобление человека траве («Скоро в землю приклонимся, как посохая трава»).

Состояние традиции народной духовной поэзии С. Е. Никитина выразила в следующих словах: «Современная жизнь духовного стиха — жизнь полузадушенная, поток мелеющий и иссыхающий, но все еще — чудом — существующий»¹. С одной стороны, духовные стихи А.Ф. Сторожевой, как и традиционные духовные стихи, выражают ряд религиозных догм, запретов и рекомендаций, а с другой — в своеобразной художественной форме формулируют сумму жизненных ценностей. В её репертуаре нет стихов о христианских подвижниках, стихов с утверждениями, что призвание старообрядца — «вступить с грехом в сражение». Мало конкретизированы в них столь популярные у старообрядцев эсхатологические образы конца света. Религиозная тема обычно сводится к мысли о необходимости выполнять дело Христа, идя путем земным.

Стоит заметить, что и в бытующих в Усть-Уролке устных эсхатологических рассказах образы конца света существенно «обытовлены», конкретизированы фактами современной жизни. Так, от жителей села записано много рассказов о том, что «мир на ниточке висит», что «при конце света люди будут искать друг друга ходить, а нити не смогут». В них очевидны отголоски апокалиптических предсказаний: «Страсть будёт — встанут живы и мертвы. И будёт засуха шибко, из-за пиття будут умирать. Реки все пересохнут. Даже вот где-ка золото заблестит, ты подумаешь, что водичка, побежишь, а это золото»; «Все умерут, останутся только негрешники. Как на черему-

¹ «Стихи духовные» Г. Федотова и русские духовные стихи // Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). Paris: YMCA-Press. 1991. С. 137.

хе ягоды съешь, а которы останутся, так и люди не видно будут». В то же время верующие соотносят с религиозной доктриной события с близкими им реалиями нынешней жизни: «Песен не будет, драка будет. Работы де не будёт о конце, все уедут в города, деревня станёт пустая. Унас счас уж гли — вон в этом конце у нас токо два жителя».

В репертуаре А.Ф. Сторожевой доминируют стихи, повествующие о «жизни плачевной», что соотносится не только с главной для старообрядческой веры идеей стремления к Господу, ожидания «радости неба» и неприятия падшего, погрязшего во грехе мира. Тексты стихов ассоциируются не столько с призывом к совершенствованию человека путем приобщения к божественной благодати, к жизни в покаянии и безмолвии, но и с реальными событиями XX века, с наполненной трагизмом жизнью самой исполнительницы. Исчезновение «соборных» книг, уменьшение числа духовников и уставщиков, прекращение семейного обучения пению и старой вере, вообще её размывание приводят к тому, что в современных стихах уже нет полноты древнеправославного учения, системы сложных предписаний и запретов, ограждающих староверов от окружающего (по их представлению, «антихристов») мира. Во многом поэтому стихи из репертуара А.Ф. Сторожевой не имеют того эпического и книжно-письменного характера, что был свойственен жанру еще недавно, они насквозь пронизаны формами живой народной речи и фольклорной символикой. В них не столько формулируется религиозное мировосприятие, сколько выражается личное, собственное религиозное чувство народной поэтессы, интимное состояние внутреннего мира сказительницы, показывающее её напряженную духовную жизнь. Стихи учат терпению и смирению как категориям морали и этики, говорят о «печали мира», открывающейся не только глубоко верующему, но и любому талантливому человеку, осознающему величие мира и скоротечность земной жизни.

Публикуемые тексты условно разделены на три раздела — стихи о вере, стихи о смерти, стихи об одиночестве и печали.

О ВЕРЕ

Дева Мария и два жида (смерть Христа)

Со страхом, братия, послушаем —
Во святом граде Ерусалиме ходила тут Дева Мария,
С ей туто были две мирносицы-жены.
Попали им встречу — два жида идут.
Спросила тут Дева Мария —
Где вы, жида были, куда гребите.
Жида Марие отвечали —
Были мы во святом граде Ерусалиме.
Били там, мучили Иисуса Христа,
Бивши-мучивши, в темницу сада.
Услыхала дева Мария глаголы его,
Ударилась в землю, едва бы жива.
На земле пролежала четыре часа.
Убит наш Учитель, Иисус Христос.
Плачьте вы, небо и земля, плачьте вы, солнце и луна.
Плачьте, реки и моря, плачьте, вдовы и сироты.
Убит мой сын Иисус Христос.

*Зап. от И. К. Шаламовой, 1912 г.р. А. В. Вершининым, 1990 г.
(Исполнительница после исполнения откомментировала стих
следующим образом: «Вот это как матери-то, матери-те
это всё так»).*

У святых-то отцов было написано

У святых-то отцов было написано,
У святых-то отцов было узаконено —
По восьмою-ту да будет тысячу,
Будет жо тогда земли трясение.
По всему тогда да свету белому
Протекёт река, да река огненна,
Со востоку ле она да до западу.
Тут ле заснут стоять да святы-те ангелы,
Святы-те ангелы, святы архангелы.
Они струбят жо да в трубы золоты,
Разбудят оне всех грешных и праведных.
Праведны-те стают оне на правоё,
Грешные стают оне на левоё.
Праведны стоят, да как свечи горят,
Как свечи горят, да разгораются.
Грешные стоят, да ровно головни,
Ровно ле головни да опалённые,
Опалённые да огорёлые.
Оне молятся да Богу нашему,
Богу нашему, да Богородице.
- Ох ты ле Мать наша, да Богородица,
Богородица да ты Владычица,
Помолися-ко ты да Своему сыну,
Своему сыну, да Иисусу Христу.
Пусть избавит он нас от муки-то вечные,
От муки-то вечные, да от превечные.
- Ох ты, Сын ты мой, да ты Иисус Христос,
Тебе молятся да души грешные,
Чтобы избавил Ты их от муки-то вечные,
От муки вечные, да от предвечные.

Духовные стихи

- Ох ты ле Мать моя, да Богородица,
Богородица да ты Владычица.
Если хошь видеть меня во второй-от раз,
Во второй-от раз на крестном знамени,
На крестном знамени, да на распятие.
- Ох Ты, Сын Ты мой, да Ты Иисус Христос,
Мне не только ешо да Тебя видети,
Мне не дай Господь, да больше и слышати.
Пусть валятся жо да души грешные,
Пусть валятся оне да скрозь сырой земли,
Чтобы не чутко было не писку и не вереску.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.

«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла»

Агница и пастырь

Где же ты, Агница, сокрылась,
Я которую люблю.
От меня ты удалилась,
О душе твоей скорблю.
Вы, луга, леса и реки,
Рщите к Вышнему Творцу.
Потерялась Овечка,
Где же я её сыщу?
Агница ты моя, найдися,
Пастырь ищет тебя твой.
И к ему ты возвратися,
С неба шёл он за тобой.
Агница ему не верит,
Дальше, дальше всё бежит,
А пастырь всё об ей не дремлёт,
Возвратиться её велит.
Возвратись к тому началу,
Из которого течёшь,
И себе немалу вечность
Ты во мне найдёшь.
Агницы-те все другие,
Все эть пасутся у меня.
Оне увидят дни златые,
Не скучая, не стоня.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.

Вечор сумерки наступали

Вечор сумерки наступали
У Содомских у ворот,
У Содомских у ворот.

Добродушен святой старец
В гости странников зовёт,
В гости странников зовёт.

Вы пойдёмте, посидите
Под покровом у меня,
Под покровом у меня.

Вижу, вижу, не простые
Ко мне страннички пришли,
Ко мне страннички пришли.

У их кудри золотые,
Вся и Троица в лице,
Вся и Троица в лице.

Вы скажите-расскажите,
Вас куда Господь послал,
Вас куда Господь послал.

Мы пришли сюда к Содому
Принести спасенье дому,
Принести спасенье дому.

Один ангел отвечал,
Один ангел отвечал.

«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла»

Не успел ангел промолвить,
Весь как город, весь Содом,
Весь как город, весь Содом.

Все большие и меньшие
Окружили Лота дом,
Окружили Лота дом.

Лот их вышел успокоить,
Беззаконство прекратить,
Беззаконство прекратить.

Семью Лота окружили
Самого хотят убить,
Самого хотят убить.

Семья Лота собралась,
Пошла на гору толпой,
Пошла на гору толпой.

Жена Лота оглянулась,
Стала каменным столбом,
Стала каменным столбом.

Содом-город провалился
Казни огненным дождём,
Казни огненным дождём.

Зоря медленно занималась
На Содомской тишине,
На Содомской тишине.

*Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.
С библейским сюжетом тесно связано название соляного
столба «Жена Лота» на вершине горы Содом, ныне туристи-
ческой достопримечательности в Израиле.*

Напой, самарянка, холодной водой

Напой, самарянка, холодной водой,
Которой страдалец стоит пред тобой.

Я вышел и тяжело его поразил,
Суровым я словом Его оскорбил.

В ту пору, когда шёл на гору Голгоф
Невинную кровь проливать за врагов.

Под тяжкой под ношей большого креста
Он сел отдохнуть у моего крыльца.

Святого страдальца я дерзко толкнул
И словом свирепым его оскорбил.

С тех пор я скитаюсь по свету сему
Не знаю, когда ле, когда я приду.

Хотя я и сед уж, а ветер гудит:
«Идти в путь далёко тебе предстоит».

Я всеми местами не раз проходил
И видел там много забытых могил,

И видел там много я царство царей,
И видел, как золото сгубило людей.

А люди, страшитесь прогневать Творца,
Его наказанью не будет конца.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.

Под сосёнкой зелёной

Под сосёнкой зелёной
Сидит инок молодой,
Сидит инок молодой,
Сам он плачёт, как река течёт,
Молодой рыдаёт, как ключи кипят.
И попал ему Господь навстречу:
— Ты зачем же ты, выюнош, плачешь,
Молодой, громко рыдаешь? —
— Как мне, Господи Боже, не плакать,
Молодому, мне-ка не рыдать.
Я ушёл же из своей кильи,
Да из весёлой да земляные,
Потерял я, я святую книгу,
Я святую-ту книгу Псалтырю.
Потерял ключи от рая,
Утопил я крест церковный.
— Ты пойд-ко да, выюнош, да воротися,
Ты отлей-ко все сады слезами, —
Я спишу тебе святую книгу,
Я святую-ту книгу Псалтырю,
Я найду тебе ключи от рая,
Ино я высушу да синё морё,
Доступлю тебе крест церковный.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.

Зирай приближение

Зирай приближение,
Бедные человеки.
И текут времена и лета
Об меговения ока.
И скоро солнцо сшествует
С востоку на запад.
Приходите, все верные люди,
Верные все вы в вере.
Приходите и прослезите святой храм.
Приходите, все верные люди,
Верные все вы в вере.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.

Умоляла мать родная

Умоляла мать родная своего милого дитя:
Не ходи-ко ты, дева, взамуж, не плети-ко ты две косы.

Ты ле не зарься-ко да на честь да земную,
на заботы-суеты,
Не меняй волю златую на прелестные цветы,

Ты теперь хоть и небогата, своим родом ты не славна,
Ну как пташечка перната, беспечальна и вольна.

Не забудь-ко ты, дева, слово, помни ты маменькин наказ,
Вот придёт ле к тебе гробница, у тебя отнимёт мать.

Не забудь себя, девица, Твой жених с небес Творец,
На востоке-то рай прекрасной,
всех он на свете лучше стран.

На чердаке цветы золотые, все да ангелы поют,
Поля-те устланы цветами, розы запах придают.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г. Стих отмечен в репертуаре многих старообрядческих хоров и ансамблей.

О СМЕРТИ

И кто бы дал бы мне бы, яко птицу...

И кто бы дал бы мне бы, яко птицу, два пернатые крыла.
Полетел бы я на тот-то свет, я узнал бы, что есть там.
Я узнал бы, я рассказал бы вам, свои милы друзья.
Но ну как, ну как, мне-ка невозможно,

невозможно учинить.

Ну, ну хоть тамо со мной случится, не известен я о том.
Там-то есть одна только надежда, одна вера во Христа.
Эта вера, вера и надежда много грешных душ спасла.
А там не дня нету, не ночи, свет сияет завсегда.
Нет зимы, и нету там не лета, завсегда цветет весна.
Ведь хоть я грешна я и беззаконна,

я твоя, Создатель, тварь.

И не лиши же меня, Боже, благодати этиё.

Зап. от А. Ф. Сторожевой И. А. Подюковым, 1975 г.

Смерть-та люта и гневлива

Смерть-та еть люта и гневлива

для нас она, бедных человек.

Ой, хоть ужасна и строптива, а к концу течет наш век.
Она ведь ходит днем и ночью, неготовых застаёт.
Вдруг-то нечаянно меня застала,

в белой-то горнице одныё.

Тут еть уж боязнь на меня напала, как увидела эту смерть.
На колени припадаю, ты прости же меня, смерть.
Ты оставь-ко время на мало мне-ко на сем свету пожить.
И поносно духовное дело, покаяние сложить.

Ты, я вижу, что не зревши на мое ты прощеньице,
Всё ты свое дело твориши и лишаешь красоты.

Мои ты силы ослабляешь, дух унылой вопиешь.

Вы простите-ко меня, простите, мир и ближной человек.
Я еть уйду от вас навеки, поминайте-ко в жизни всей.

Тело-то бело помертвело, и язык-от замолчал.

Очи-те туском призатускли, и я зубы крепко сжал.

Как вы узря меня во гробе, вы пролейте-ко слез ручей.

Предайте вы земной утробе, поминайте во жизни всей.

Зап. С. Н. Сандраковой от А. Ф. Сторожевой, 1986 г.

Жизнь плачевну-ту провожаю

Жизнь плачевну-ту провожаю, жизнь плачевну всю свою,
 Жизнь на свете всю свою,
 Рай-блаженство забываю и теряю красоту,
 И теряю красоту.
 Суета передо мною завсегда, как тень в глазах,
 Завсегда, как тень в глазах.
 За спиною смерть с косою, она ходит и не спит.
 Она еть ходит, надзирает, у кого бы снеть глава.
 Она еть с бедного снимает и богатых не щадит.
 Для цего же я советуюся, когда участь такова,
 Когда участь такова.
 Скоро в землю приклонюся, как посохая трава,
 Как посохая трава.
 Кто живёт в миру согласно, тот и весь свой век проживёт.
 Кто живёт в миру развратно, скоро в землю потечёт.

Зап. от А. Ф. Сторожевой И. А. Подюковым, 1975 г.

Незаметно век проходит

Незаметно век проходит, как во сне был молодой.
 Вот уж старость-та подходит, весь как лунь я стал седой.
 Отемнили очи ясны, сквозь очков на свет гляжу.
 И ходить не стало мочи, пригорюнившись сiju.
 Истощались мои силы, и ничуть веселья нет,
 Вот сейчас я жду могилу, ты прости, мой белый свет.
 Вы простите, мои дети, все и силы, и труды,
 Все прекрасное на свете и зеленые сады.
 И кто лета бы молодые мне назадъ бы воротил,
 Все именёе нажитое я тому бы подарил.
 Но увы, всего не можно — возвратить лета назад,
 Ожидаю смерти точно, я не знаю, как сказать.
 Только я вижу утешенье, когда Господу молюся,
 Подыну я руки кверху, с умилением вопию,
 Чтобы избавил Бог от вечной муки, поселил меня в раю.
 Ты прости мне прегрешенье, упою, в слезах зальюсь.

Зап. от А. Ф. Сторожевой И. А. Подюковым, 1975 г. Бытует в репертуаре многих староверческих песенных коллективов. В частности, в исполнении стиха любительским хором «Грезы» староверческого общества им. И. Н. Заволоко текст существенно развернут включением описания современной жизни: «Жизнь унылая настала, лучше, братия, умереть, Что вокруг нас происходит, тяжело на то смотреть»; «Творца не призывают ни в молитвах, ни в делах. Его имя вспоминают лишь в ругательских словах». В финале говорится о том, что, поскольку «мир стремится жить к последнему концу», «будем, братия, молиться мы Небесному Творцу, будем к Богу мы стремиться и в душе созиждем храм».

В низенькой избушке

В низенькой избушке огонёк горит,
 Старая старушка там при смерти лежит.
 Плачет и рыдает о грехах своих,
 Горько вздыхает — ох, как много их.
 Себя я погубила, весь век жила в грехах,
 Вот старость наступила, и смерть уж при дверях.
 Я смерти ужасаюсь, страшна она мне.
 В гоенне я вечно гореть осуждена.
 Боже ты мой любезный, забудь мои дела.
 За лютые деянья меня ты уж не взыщи.
 Добрых дел в моей жизни, их ты не ищи.
 А я к тебе пристану, не отверни ты меня.
 Боже ты мой милосердный, ты еть умер за меня.
 Ручьем с креста стекала святая твоя кровь.
 Сколько издеванья за грешников любовь.
 Твоею благодатью остроен вечный мир.
 Твоей святой любовью устроен вечный пир.
 Боже, я умираю, сил уж больше нет.
 Знание теряю, смутился да белой свет.
 Все члены ослабели, закрылися глаза.
 Сквозь мокрые ресницы скатилася слеза.
 Скоро-скоро аньгел за ей уж прилетил,
 Этот, этот ангел, он ее простил.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым, 1990 г.

Что ле душа с телом да не простилася

Что ле душа с телом да не простилася,
 Да назад душа да воротилася.
 Ты ле прости, прости, да тело грешноё,
 Ты ле прости, прости, тело окаянноё.
 Что ле тебе, тело, да во гробу лежать,
 Вам жо, косточки, да во сырой земле,
 Мне-ко ведь, душице, да на ответ идти.
 Как жо я засну да отвечатися,
 Как жо я засну да оправдатися.
 Повели душу да ко перву горю,
 У перва горя да тут огонь горит.
 Повели душу да ко втору горю,
 У втора горя да тут смола кипит.
 Повели душу да ко треттю горю,
 У треття горя да тут огонь горит.
 Тут огонь горит, да разгорается,
 Тут смола кипит, да раскипается,
 Там-от грешных-то душ да как червей гимзит.
 Дураки у нас да отцы, матери,
 Они пошто нас не учили, не школили?
 Оне учили вас, оне и школили,
 Вы ведь сами их, ле их не поняли.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым, 1990 г.

Я плачу и день и ночь

Я плачу и день и ночь, слезами уливаюся.
Плакать мне и надо бы, во своих грехах покаяться.
Мне эть приходит пора-времечко отправляться
в путь-дороженьку.
В путь-дорожку незнакомую, незнакомому, небывалую.
У мня эть дорожка не расчищена, не уезжена,
не утоптана.
Там эть грозы на ей будут грозные, там мотарства
будут частые.
Мотарства будут частые, по мотарствам князи темные.
Как в вопросах не запутайся, не попадись во в северную
ту сторонушку.
Попадай-ко да во восточную, не увидишь ли ты, грешная,
Ты своего друга верного, аньгеля хранителя.
Аньгеля хранителя, повсечастного свидетеля.
Не поможет ли твоей беде, не попросит ли прошшеньицо
У Царя-то да у небесного, у Пресвятой-то Богородицы.
У Пресвятой-то Богородицы, у Престольной
Божьей Матери.
Не примут ли тебя грешного, тебя ко стаду-ту
ко избранному.
Ко стаду-ту ко избранному, ко царству-ту ко к небесному.
Ты аньгел твой, хранитель, будь милостив к рабе своей.
Пусть попросит у Владыки-то тебе венца небесного.
Хоть и есть грехи великие, пусть расскажет
твое страданьицо.
Как страдала ты на сём свету, переживала ты о том, о сём.

Зап. от И. К. Шаламовой, 1912 г.р. А. В. Вершининым, 1990 г.

Аньгел ты мой пресветлый

Аньгел ты моей пресветлый, хранитель души мойей.
Души ли моей единородной, будь милостив к рабе своей.
Ты эть послан от Бога для храненья, тебе Восподь
так поручил.
Пролей мне в сердце умиленье, меня ты жить как научи.
Введи меня в страну иную, будь милостив к рабе своей.
Введи меня в страну иную, меня достойной покажи.
Хотя грехи мои велики, а ты страданья расскажи.

Зап. от И. К. Шаламовой, 1912 г.р. А. В. Вершининым, 1990 г.

Для всех солнце светит

Для всех солнце светит, для меня уж нет.
 Я лежу в могиле и не вижу свет.
 Я лежу в могиле от людских тревог.
 Вокруг меня тихо, надо мною Бог.
 Не давит меня, не тиснит гробова доска.
 Вокруг меня тихо, одолела тоска.
 Сырой, глубокий вырыт мне уют.
 Со многими грехами ох и страшно тут.
 Вырыта могила в южной тишине.
 Все прошло бывшее ветер с пылью снег
 Ждут трубы глашенья и тебе Христос
 Уснул я навеки непробудным сном.
 Сердце уж не бьётся и не слышен звон.
 Глаза уже закрыл я, прощай, весь белый свет.
 Одно мне дорого — идти на тот свет.
 Прощайте, родные и все мои друзья.
 Обитель готова, сырая мать-земля.
 Не плачьте, родные, тяжело будет мне.
 Проходи, проходящий, помани мой прах.
 Я теперь уже дома, а ты ещё в гостях.
 Спи ты, наш любимый, спи ты крепким сном.
 Ты к нам не вернешься, а мы к тебе придём.
 Могильная прохлада, для всех она страшна,
 Но неизбежно надо готовиться туда.
 Туда, где наши предки давно уже ушли,
 Пойдут и наши детки, пойдем туда и мы.
 От смерти откупиться ничем нельзя никак,
 И под землёй гноятся богатый и бедняк.
 Но все мы забываем об участи своей,
 И тут нас закидают тяжелою землёй.
 Живём, все загребаем прежадною рукой,

«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла»

Богатства загребаем, а это прах земной.
 Смерть придет, подкусит, и труд земной пропал,
 Каждый все тут бросит, что жадно загребал.
 Но трудиться надо, надо, чтобы жить,
 И Господу молиться, и ближнего любить.

Зап. от А. Г. Михалевой С. В. Хоробрых, 2007 г. В других традициях (Куеда, Пермский край) стих исполняется у старообрядцев-часовенных на похоронах «на вынос тела» (с зачином — «Я лежу во гробе и не вижу свет»).

Поминайте меня, братья

Поминайте меня, братья, поминайте всякий раз.
Только ваше поминанье облегчит всех тут нас.
Поминайте, братья, сестры, вы с любовью меня,
И простите, в чем виновен перед вами, может, я.
Поминайте хлебом-солью, даже чистою водой,
Поминайте добрым словом, будет все передо мной.
Еще чаще поминайте, моя милая семья,
Я служил вам беззаботно, не забудьте про меня.
Вы ходите чаще в церковь, ведь все души ждут вас там,
И с отцом духовным вместе Божья милость будет вам.
Мне не страшно, что со света я навеки отошёл,
Только страшно, что с грехами я ко Господу пошёл.
Не скорбите, братья-сестры, и не плачь, моя семья.
Всех я встречу вас, поверьте, все вы смертники, как я.
Ангел крепкий безмятежный тихо молвил мне — проси,
Не печалься, взор свой нежный подыми и отпусти.
Снова тучи надо мною собралися в тишине,
Рок завистливый бедою угрожает снова мне.
Ой, земля ты черная, ой, могила темная,
Хоть бы дождь тебя размыл, хоть мороз бы расщепил,
К матушке на дно земли стоны чтоб мои дошли.
День-деньской я слезы лью, пусть услышит боль мою.

Зап. от А. Г. Михалевой Хоробрых С. В., 2007 г. В финал стиха включен фрагмент другого стиха о тёмной могиле («Ой, земля ты черная»); не совпадая с основной частью по ритмическому строю, он соотносится с ней по плачевной тональности.

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Уж ты ле пташка ле бедняжка

Уж ты ле пташка ле бедняжка, птичка милая моя.
Зачем ле рано налетела в эте дальные края.
Али своих друзей разлука зазвала тебя сюда.
Разве ле витёр сильной с бурей в этот край тебя занёс,
Все ле трясут тебя, тревожат, давит грудь твою тоской.
Грустно голову склонила, вёсну красну не поешь.
Не вёсна-то тебя, не лето, нечего не веселит.
Все ле забыли, позабыли, все забросили меня.
Нет своёго, нет родного, и кругом народ чужой.
Ну, горька твоя здися доля, здешний край тебе не мил.
Грустно ты голову склонила, тяжело тебе здесь жить.
Улечу я в края далёки, я там скроюсь от людей.
За моря, горы и реки, поселюся меж зверей.
Буду я кровить слезами свою пищу и питьё.
Никому-то меня не надо, горьку странницу в селе.
Все-те забыли — позабыли, все забросили меня.
Один-от Бог мне только надежда, уповаю на тебя.
Хоть и ле добрых-то людей много, но кругом оне чужи.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г. В строке «Буду я кровить слезами свою пищу и питьё», вероятно, глагол кровить заменяет глагол кропить. Стих (иногда — с вариантным зачином «Ах ты, пташка и бедняжка») часто включается в репертуар староверческих любительских хоров.

Кукушечка

Куда летишь, кукушечка?
Ку-ку-ку-ку-ку-ку.
Куда несешься, пташечка?
- Летю, летю я в те леса,
Подаю там голоса.
Вчера сулили счастье мне.
Когда птенцам гнездо вила,
Тогда была счастливая.
Среди зеленых веточек
Качала малых деточек.
Острый ястреб налетел,
Им головки отвертел.
И плачевну жизнь пою,
Ку-ку-ку-ку-ку-ку.

Зап. от О. А. Шаламовой. Припев «Ку-ку-ку-ку-ку-ку» повторяется после каждой строчки.

Что ж ты пташка-канарейка...

Что ж ты, пташка-канарейка,
Приуныла, не поёшь?
Или жизнь твоя постыла,
Жалко воли дорогой.
Я по свету-то летала,
Пела летом и зимой,
Злой ловщик построил клетку
Для погибели людей.

Зап. от Евдокии Федотовны Якутовой, 1924 г. р.

Злоё-то несчастье

Злоё-то несчастье повстречалосё оно со мной,
Повстречалосё оно со мной.
Ты ле несчастиё моё, ты несчастиё ой да моё,
Несчастиё моё.
Ты ле судьба ле моя, да несчастная да судьба,
Несчастливая судьба.
Никакой ты, судьба, награды мне-ка не дала,
Награды не дала.
Без награды я жить на свете не могу,
На свете-то не могу.
Со печали-то точно таю, как я свеча,
Точно таю, как я свеча.
Точно я знаю, что с-по мне некому ой да тужить,
Мне некому тужить.
Точно я знаю, что никому меня да не жаль,
Никому меня не жаль.
Не левица ле, породила меня мать,
Спородила меня мать.
Не тиран ле, да воспитал меня ой да отец,
Воспитал меня отец.
Он ле заставил да мне-ка веки вековать,
Веки вековать.
Он ле заставил да только вечно слёзы лить,
Вечно слёзы лить.
Ты ле несчастиё ле, несчастиё ой да моё,
Несчастиё моё.
Ты ле судьба ле моя, несчастная ой да судьба.

Зап. от А. Ф. Сторожевой А. В. Вершининым в 1990 г.

Иду я долиной

Иду я долиной, поет соловей,
Поет соловей.
А я на чужбине, я я на чужбине,
Забыв от друзей.
Забыв я, заброшен с самых юных лет.
Тернистой дорогой иду я весь век,
Иду я весь век.
Иду я, вздыхаю, иду я, вздыхаю, повсюду я зрю,
Повсюду я зрю.
Судьбу обвиняю, судьбу обвиняю,
судьбу обвиняю, немало терплю,
Немало терплю.
Богатый жалеет, богатый жалеет богатой рукой,
Богатой рукой.
Меня обижают, меня обижают и тот и другой,
И тот и другой.
Вдали я родилась, вдали я родилась в безвестном краю,
В безвестном краю.
И дома родного, и дома родного нигде не найду,
Нигде не найду.
А Боже всещедрых, а Боже всещедрых,
а Боже всещедрых, в защиту войди,
В защиту войди.
Меня, разнесчастну, меня, разнесчастну,
меня, разнесчастну, от бед слободи,
От бед слободи.

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой, 1975 г. Стих выражает одну из излюбленных в старообрядчестве идей — жизни как поиска дома и обретения Божьего покровительства.

Ох ты, доля, моя доля

Ох ты, доля, моя доля,
 Доля горькая моя,
 Ах зачем ты, злая доля,
 До сиротства довела?
 Нет ни доли, нет ни воли,
 Нету маменьки родной,
 Я, разбедная девчонка,
 Теперь осталась сиротой.
 Развяжите мои крылья,
 Дайте воле полетать,
 Я заброшенную долю
 Полечу её искать.
 Прежде в родину святую
 Я направлю свой полет.
 Расспрошу про мать родную,
 Как теперь она живет.
 Не живать мне в той избенке,
 Не видать семьи родной,
 Разойдись, земля сырая,
 Выйди, маменька моя,
 Расскажу тебе, родная,
 Как живу я без тебя.
 Не бывать мне той дорожкой,
 Не видать мне тех следов.
 Не живать мне в той избушке,
 Не видать семьи родной.

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой, 1975.

«В КАКУЮ ЖЕ ПУТЬ-ДОРОЖЕНЬКУ
 НАПРАВИЛАСЬ ДА ТЫ, НАПРАВИЛАСЬ?»
 Похоронно-поминальные причитания в Усть-Уролке

Похоронная обрядность есть своеобразный способ коммуникации с миром мертвых. Связанный с ней фольклор отражает древний, устойчивый и в позднейшее время некрокульт — представление об умерших как о предках-покровителях. В основе похоронно-поминального фольклора лежат мифологические, анимистические и магические представления; одним из его предназначений было стремление человека обезопасить себя от таинственной смерти (умерший нередко и воспринимался как одно из воплощений смерти). Исполнение особых плачей-причитаний, наряду с целым рядом особых обрядовых действий, было направлено на обеспечение «правильного» перехода из мира живых в мир мертвых. В этом древнейшем поэтическом жанре фольклора трагические обстоятельства подвергаются художественно-эстетической типизации, что психологически адаптирует человека к явлению смерти.

В Усть-Уролке зафиксировано сравнительно небольшое количество похоронно-поминальных причитаний, и примечательно, что большая часть их получена не от А. Ф. Сторожевой, а от других её сверстниц. Возможно, относительно слабая представленность жанра в традиции села связана с отрицательным отношением старообрядцев к проявлениям повышенной эмоциональности, в том числе и по поводу смерти (известно, например, что старообрядцы-филимоновцы севера Нижегородской области не принимали не только хороводных песен, считая их «бесовскими», но даже и духовных стихов). Причитания в этой среде (в том числе и в Усть-Уролке), особенно поминальные, нередко заменялись пением духовных стихов.

Тем не менее плачи в похоронной традиции Усть-Уролки бытуют и, как и в целом в русской причетной традиции, приурочены к разным моментам обряда («*Прошшашиша* —

Похоронно-поминальные причитания в Усть-Уролке

«прости меня Христа ради» скажешь. Как хочешь, тожно так и живи, отвитит. Умер, дак плачут. Шибко баско приплакивают, ревут. Милые бы мои дочери, подойдите ко кормилечу батюшку, Вы де не в первые, вы де не в последние. Сестричи мои-голубушки, кумушки мои подруженьки...»). Особенного накала эмоциональности обряд достигает при выносе тела умершего из родного дома: *«Туто простятся и гроб закроют. Крышку не закрывают, так ташиат до кладбишища. Я высказывала ей, повезли дак: «Сестрица да моя голубушка, ты мо оставила своё да тепло гнездышко, Пошла же да не по той же пути-дороженьке»* (причет на смерть Александры Фокевны, зап. от К. Ф Зарубиной., родной сестры А. Ф. Сторожевой).

Причитания, исполняемые непосредственно во время похорон («у гроба», во время выноса тела, на свежей могиле), несколько отличаются от тех, что пелись во время поминок (на третий, девятый, особенно на сороковой день; в години, на семике). Первые более эмоциональны, содержат различные биографические подробности, касающиеся покойного, тогда как поминальные причитания в основном спокойны и содержат большое количество универсальных клишированных формул. Только что умершему обычно высказываются жалобы по поводу утраты и тяжелых последствий, вызванных смертью, ухудшившегося положения родных. В поминальной же традиции покойник осмыслен как обитатель «инога мира», и главным содержанием поминальных причетов становится восхваление достоинств покойного — с тем чтобы умиловить его душу, заручиться его помощью как заступника перед Богом.

Зафиксированные в Усть-Уролке плачи в целом соотносятся с прикамской похоронно-погребальной причетью, их характеризует устойчивое использование таких элементов, как развернутое обращение к умершему, приглашение его в гости и угощение, горестные сетования по поводу сиротства. Они содержат традиционный для жанра набор «постоянных мест», идеализирующих характеристик — типа

«В какую же путь-дороженьку направилась да ты, направилась?»

белые руки, красно солнышко, люди добрые, любимое дитяtko, буйные ветры, гробовая доска, дубовый стол, тёпла горенка, леса темные, дремучие, сторонушка незнакомя, небывалая. В них немало специфических фольклорных устойчивых оборотов, представляющих соединение слов-синонимов — житьё-бытьё, путь-дороженька, путь-сторонушка, дорога неутонпанная-неуезженная.

Образность плачей традиционна и задаётся древними представлениями. Смерть соотносится со сном, с отправлением в дальнюю, «не в ту» путь-дорогу («Пошла же да не по той же пути-дороженьке»). Душа умершего представляется в образе птицы (в частности, в облике птицы-голубушки, которая «оставила своё да тепло гнездышко»).

Сугубо народно-поэтическая основа плача нередко наполняется христианским содержанием. Так, в стихе «Ох ты миленька, мила подруженька», беседуя с умершей подругой, героиня, как и в других плачах, корит её за то, что она оставляет родных, представляет её смерть отправлением «на дальну сторонушку», где её ждут испытания-«мотарства». Она наказывает ей встретить на той стороне своего ангела-хранителя, который попросит у Царя небесного и у Пресвятой Богородицы, чтобы они были милостливы, поскольку грехи великие искуплены тем, что она много страдала «на сём свету»; советует ей, чтобы ангел попросил у Владыки «венца небесного». Образ увядающего небесного венца в стихе особенно символичен — по христианскому учению, эти венцы могут «стяжать», «воспринимать» от руки Господней в качестве знаков добродетели только мученики и стратотерпцы.

Тексты показывают, что к нашим дням жанр существенно упрощен. Так, основным содержанием представленного в сборнике причёта по дочери «Ой ты мо дитяtko да моё милоё» становятся корильные слова — мать упрекает умершую дочь за то, что она оставила «мужа милого, малых детонок не у краю не у берегу, посередь синё моричка», и что сейчас на них «поносятся» (т.е. бесчестят, бранят, попрекают).

Похоронно-поминальные причитания в Усть-Уролке

Плачи, исполняемые на поминках, обычно более развёрнуты. Так, в плаче по сыну («Милая моя ты мо, моя подруженька») причётчица обращается к подруге, для которой она причитает, чтоб она не глядела в северную сторонушку, не ждала своего сына «на большой праздничек». Она объясняет матери, что сын не придет, что ей уже «не упоить его да не употчевать», потому что из сырой земли «нет не ходу да нет выходу».

Исполнение причитаний А. Ф. Сторожевой демонстрирует «творческое», импровизационное отношение сказительницы к традиции. Плач по подруге («Ты ле моя-то мила подруженька») в исполнении А. Ф. Сторожевой при всей его насыщенности причетными формулами (*вестка-грамотка, пир-беседушка, тоска-кручинушка, резвы ноженьки, ретиво сердце*) не вполне традиционен, и прежде всего поводом его появления: героиня объясняет своей умершей «милой подруженьке», почему она не смогла быть на её похоронах («Ведь я ле мо была на чужой я сторонушке, ой я ле мо была от вас я за три тысячи вёрст, ой как же были у меня да крылышка, Да прилетела я да той минуточкой»). В остальном плач близок к традиционным — в заключительных словах она корит свою подругу: «Ты мо что это да наделала — оставила дочь-голлубушку».

«В какую же путь-дороженьку направилась да ты, направилась?»

Ох ты миленька, мила подруженька

Ох ты миленька, мила подруженька,
Ведь и че ето, да ты куда ето
Наладилась да ты направила
Ты мо эть оставляшь все своё житьё-бытьё,
Ты всё домашное попечаниё.
Ведь ты ле мо в какую же путь-дороженьку
Наладилась да ты наготовилась?
Ты ле мо в какую же путь ты сторонушку,
Ты мо по путям-то да по дороженькам?
Ты мо в незнакомую путь-дороженьку,
Ты мо эть в незнакомую, небывалую.
Ёна ле у тя утоптана ле уезжена ле,
Уторенная ле у тя там путь-та дороженька?
Ведь тамо еть по ей будут грозы да будут грозные,
Там эть мотарства-те будут частые,
Как эть уж по мотарствам-то будут грязи темные.
Ты эть хоть в ответах-то да не запутайся,
Не попади-ко в северную-ту сторонушку,
Ты попадай-ко да во востошную.
Ты не увидишь ли своёва там друга вернова,
Ты мо аньгеля да ты хранителя,
Ты повсечастного-то да ты свидетеля.
Он уж не поможет да там ле да твоей беде,
Не попросит ли за тебя прощеньице
У Царя-то да у небесного,
У Пресвятой-то да у Богородичи,
Он уж у Пресвятой-то да Божьей матери.
Ведь пусть-ко он будёт милостив ко своей рабе.
Как пусть он попросит у Владыки-то тебе
венца небесного,
Хотя и есть да у тя грехи великие.

Похоронно-поминальные причитания в Усть-Уролке

Пускай уж он расскажет твоё страданьице,
Как ты страдала да на сём свету.

Зап. А. В. Вершининым от И. К. Шаламовой, 1912 г.р., 1990 г.
Исполнительница прокомментировала плач словами:
«И приговаривашь тут, че про человека знашь — что отча угнали, это страданьицо, и другие тоже».

«В какую же путь-дороженьку направилась да ты, направилась?»

Причёт по дочери

Ой ты мо дитятко да моё милое,
Ты мо милое, мое любимое.
Оставила ты да малых-то детонёк,
Оставила да мужа милого
Ты мо не у краю их, не у берегу,
Ты мо посередь синё-то моричка.
Их мо пожалити счас уж некому,
У их нету жо родимой мамоньки.
На все на их-то зря счас поносятся.

Зап. от В. М. Шаламовой. После пения исполнительница добавила: «Вот не только у могилы поют-то».

Плач по сыну

Милая моя ты мо, моя подруженька,
Чё глядишь мо да в ту сторонушку,
В северную да ты в невесёлую.
Кого мо ты ждёшь да ты дожидаешься.
Я мо знаю, кого ты ждёшь-дожидаешься,
Ты своего да сына милого.
Скоро мо год, да большой праздничек у нас,
Сама ты мо знашь да сама ведаешь:
Он ведь не придёт тебе под окошечко,
Не состукатся да о крылечико,
Не сбрыкатся да о колечико.
Не уведешь мо ты его в тёплу горенку,
Не посадишь да за дубовый стол,
Не упоишь да не употчуешь
Ты мо своего да сына милого.
Ты мо сама знала да сама ведала,
Куды ты его отправила да куды ты его схоронила,
Во темны-то да лесы темные,
Во сыру-то во землю-матушку.
Там нет не ходу да нет выходу.

*Зап. Е. Б. Вершининой от И. К. Шаламовой, 1912 г. р. Стих
пели в год со дня смерти, дома.*

Плач по подруге

Ты ле моя-то мила подруженька,
Ведь я получила да перву вестку-грамотку,
Я радошну-ту её весёлую.
Ты мо приглашала меня на пир-беседушку.
Ведь я ле получила втору вестку-грамотку,
Нерадошную я да невесёлую.
У меня задрожали да резвые ноженьки,
У меня зашумела буйна головушка,
У меня задавило да ретиво серчо
У меня его да тоской-кручинушкой.
Ой ты ли мо прости, моя милая кумушка,
Я ле не могла же к тебе попасть на похороны.
Ведь я ле мо была на чужой я сторонушке.
Ой как же были у меня да крылышка,
Да прилетела я да той минуточкой.
Ой я ле мо была от вас я за три вёрсты,
Я не за три была, за три тысячи.
Ты мо кумушка, моя подруженька,
Ты ле дорогая да моя сестрича.
Ты мо что это да наделала,
Что с тобой да это случилось.
Э как мо над людьми да редко сдиётся.
Ты мо отдала взамуж дочерь-голубушку,
Ты мо не смогла же ей полюбоватися.

*Зап. от А. Ф. Сторожевой. Исполнительница прокомментиро-
вала плач следующими словами: «Ревёшь, дак из своёва мне-
ния говоришь. Я реву-реву, в подушку воткнушь, до того жаль
было подругу».*

«ХОРОША-ТО НАША БОЛЬША ДЕРЕВНЯ...» Хороводные, протяжные и плясовые песни Усть-Уролки

Богатая духовно-певческая традиция Усть-Уролки, выразившаяся в частом пении молитв и духовных стихов, ничуть не противоречит широкому обращению жителей села к «остальному» фольклору: свадебным, хороводным, плясовым, любовным и военным песням. Это лишний раз доказывает — фольклор старообрядцев является составной частью всей русской фольклорной традиции. Поскольку досуговые, чисто развлекательные элементы праздничной культуры в старообрядческой среде все же воспринимались как «греховные» и старообрядчество не особенно одобряло гуляний молодежи и разгульных увеселений, эти песни пелись более «за столами», а не «в кругу». Даже по современным записям видно, что сама манера исполнения хороводных (как рождественских, так и троицких) песен отличается определенной сдержанностью. Наиболее эмоциональное пение, озорство и юмор в песне были свойственны прежде всего взрослым женщинам.

Хороводные песни (их называют в Прикамье также кружковые, луговые) — это прежде всего весенние и летние игры-пляски с песнями. В прошлом хороводы имели культово-обрядовый, мифологический смысл, но постепенно собственно игровое начало в них начинает преобладать. Постепенно появляются и новые хороводные песни — уже с социально-бытовым содержанием, с положенным в основу любовным сюжетом. Из хороводных же, очевидно, родились и некоторые плясовые — в них на первом месте юмор, озорство; за более быстрый ритм их и называют «частыми».

Протяжными считаются песни более позднего, чем круговые, происхождения, отличающиеся особой, растянутой манерой исполнения (например, многоголосье, использование приема обрывов слова с последующим подхватом-допением, как в песне «Да пойду я выйду на крылечко», «Не

«Хороша-то наша больша деревня...»

велят Маше за реченьку ходить»). Обычно это лирические песни о безответной любви, семейно-бытовые песни с выраженным «антидомостроевским» началом (например, песня о «протестном» поведении молодой жены «Как и люди-те во людях-то живут»). В ряде случаев хороводы водили и под эти песни.

В Прикамье, как и в целом в России, хороводы водили и летом, и зимой (летом — на «полянке», зимой — в избах, «на полу»). Поэтому рождественские («вечёрошные», «посиделочные») песни часто повторяют песни троицкие и летние. И те и другие, как правило, связаны с темой любви и брака, супружества. В их основе обычно лежит драматическая игра (обычно её демонстрировали выведенные в круг парень с девушкой, которые разыгрывали содержание песни). Репертуар хороводных и плясовых песен в Усть-Уролке довольно традиционен. Это песни «Бояре», «Во лужях», «Да отчего, мати, да сырой бор горит», «Вы ходите, наши девушки, кружком». Особенно часто хороводные игры в Усть-Уролке игрались в Петров день — в самый главный престольный праздник на селе.

Среди плясовых нередко встречаются песни, построенные на комическом сюжете. Так, песня «Мы работали со братом» (встречается и в других районах Прикамья, в частности в Оханском районе), по версии фольклориста С. Б. Борисова, песня авантюрного характера, особенно распространенная в нач. XX в., сходна с другими песнями для речитативно-хлопковых игр типа потешек (1919) Припев «Весело было нам — ам-бари-дури-рам» поётся в детских шуточных песнях и сейчас. (См.: С. Б. Борисов. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культуры. М., 2002).

В более поздних вариантах песни рассказывается о поведении тех же двух братьев-деревенщин в театре, о их злоключениях в больнице и в милиции. Ряд шуточных плясовых построен на вымышленном, фантастическом сюжете («Про комарочка», «Ишо за морем сорока небогато жила» и др.).

Да как за речушкой

Да как-то за речушкой было за быстрою,
Да ай люли, люли, было за быстрою.
Да дома строятся, крыши кроются,
Да ай люли, люли да крыши кроются.
Да мужики живут да всё богатые,
Да ай люли, люли да всё богатые.
Да у них дочери да всё хорошие,
Да ай люли, люли да всё хорошие.
Да одна-то девушка да лет семнадцати,
Да ай люли, люли да лет семнадцати.
Да другая-то девушка да лет восемнадцати,
Да ай люли, люли да восемнадцати.
Да третья-то девушка да лет двадцати пяти,
Да ай люли, люли да двадцати пяти.
Да двадцати пяти, да ей уж нет пути,
Да ай люли, люли, да ей уж нет пути.
Да ей уж нет пути, да нет дороженьки,
Да ай люли, люли, да нет дороженьки.

Зап. Е. Б. Бойковой, А. В. Вершининым от А. Ф. Сторожевой в 1991 г.

Да хороша наша больша деревня

Да хороша-то наша больша деревня,
Да много девок, да ой всё нет ребят.
Да что на нашей-то реке Уролке
Да судна новые ой да стоят.
Да что на етих на новеньких судёнках
Да принабралися ой да ребят.
Все-то ребяташки, они готовы
Да на судёнышках-то они.
Я ле мо своёва-то дружка милого
Да потчувала ой да ночевать
Ты ле мо ночуй, да мой миленькой,
Да одну ноченьку ой да со мной.
Рад бы я, рад бы я с тобой ночевать
Да меня дома да ой да забранят.
Ты ле мо не бойсь, не бойсь, да мой миленькой,
Да утром рано да ой я разбужу.
Да до той калитки я тебя до старенькой,
Да тебя, мой милой, ой да провожу.
Я его дотуль-то, дружка, да провожала,
Да до крутого-то тебя да-то бережочка,
Да до зеленого тебя лужочка.
Я его дотуль-то, дружка, да провожала,
Да близко речка да ой тут протекла.
Эта, эта речка, да она невеличка,
Да речка с бережком она ровна.

Зап. в 1991 г. Е. Б. Бойковой, А. В. Вершининым от А. Ф. Сторожевой Хороводная песня; пелась также при катаниях в лодке.

Девка-то брва, чернброва

Девка-то брва, чернброва, чёрны брови навела.
И ай-люли, ай-люли да, чёрны брови навела.
Чёрны-те брови навела, да во кружок гулять пошла.
И ай-люли, ай-люли да, во кружок гулять пошла.
Во кружок гулять пошла, с собой молодца взяла.
Догадался парень бравый, чего девка говорит.
Чего ведь девка говорит — погулять с собой манит.
Не пойдёшь гулять со мной, да на завод-от ле сошлю.
На завод-от ле сошлю камень-дровку, дров рубить.
Камень-дровку, дров рубить, караульну истопить.
Караульна-та новая, караульщик молодой.
Караульщик молодой, да парень басенькой.
Парень-от басенькой, зовут Васенькой.
Ты ле мол Василей-господин, по судёнышку ходил.
По судёнышку-ту ходил, работничков наряжал.
Ой вы, мо робьте-ко, ребята, работайте, молодцы.
У меня у барина работа способная.
Работа-та способная, да денёг плата полная.
День-от мы, день-от работам, да вечер денежки считам.
Вечер-от денежки считам, да ночь по девушкам гулям.
Ночь-ту по девушкам гулять, да поутру рано вставать.

Зап Е. Б. Вершининой, А. В. Вершининым от А. Ф. Сторожевой «Пели, когда кругом ходили». Камень-дровка — неясное слово; возможно, название каменного угля.

Уж ли сад ты мой, садок

Уж ли сад ты мой, садок, да зеленешенек стоит.
Зеленешенек стоит, ничего сад не родит,
Зеленешенек стоит, ничего сад не родит,
Ни калинки, ни малинки, ни смородинки.
Только спородил садок да один аленькой цветок.
Кровать нова тесова, перинушка пухова.
На перинушке девонюшка молодиньякая.
Что молодиньякая да чернбровенькая.
Ты ночуй, ночуй, девонюшка, едину ночь со мной.
Подарю тебе, девонюшка, подарок дорогой.
Подарочек дорогой, червоточек золотой.
Ты на етот червоток да чего хошь купишь.
Ты купи, купи, девонюшка, саратовской корабль.
Ты найми, найми, девонюшка, двенадцать гребцов.
Ишо все гребцы гребут да не мешаются.
Один, один погребок он не робит ничего.
Он не робит ничего, да все вспохаживает,
Он работничков своих да принаряживает.
Уж вы робьте-ко, робята, работайте молодцы.
Работа привольная — да денег плата полная.
День-от, день-от работать, да вечер денежки считать.
Вечер денежки считать, ночь по девушкам гулять.

Зап. от И. К. Шаламовой Червоток, червоточек — народное название золотого червонца.

Сколько бы мне кустичек не мил

Сколь бы мне кустичок не мил, дак, ой, не мил.
Сколь бы мне эта девка не брва.
Ой, сколь бы мне эта девка не брва, ой, не брва.
Да, взял бы я девку за себя, ой, за себя.
Посадил бы я эту девку подле себя, ой, подле себя.
Да спросил, любишь ли меня, ой, ли меня?
Да я ли любить-то не люблю, ой, не люблю.
Да отказаться не могу, ой, не могу.

Зап. от А. И. Богдановой.

Не на месте садик вырос

Не на месте садик вырос, да не на месте зелен вырос,
На угоре, в косогоре, на угоре в косогоре.
Да ты ле мо сповырос бы садочек, да ты ле мо сповырос бы
зеленой,
Да ты ле мо сповырос во садочке, да ты ле сповырос во зеленом.
Да ты ле у меня бы под окошком, да ты под окошком,
край дорожки.
Да ты ле мо край дорожки трактовые, да край ле мо
дороженьки торные.
Да я ле мо имела мой садочек, да я ле мой имела мой зеленой
Да полевати укрывати, да полевати, укрывати.
Да полевала бы садочек, да полевала бы зеленой
Да я ле бы водою непростою, да непростою, ключевою.
Да укрывала бы садочек, да укрывала бы зеленой
Да я ле мо травою непростою, да непростою, шелковою.
Да кто ле мо умён, умен на свете, да кто ли мо умён,
умен на белом —
Да кто ле мо холостого парня любит.
Да ле мо холостой парень голубчик, да он во время
к девке ходит,
Да он ле мо во время с ей гуляет.
Да дома будет, спать он ляжет, да никому ниче не скажет.
Да кто ле мо дурак на белом свете, да женатого дружка любит.
Да женатый муж проклятый, да то ле женатый муж проклятый.
Да не во время к девке ходит, да не во время с девкой гуляет.
Да он ле с-по вечера поздненько, да с-по утру раным-раненько.
Да дома будет, спать не ляжет, да молодой жене расскажет.
Да молода жена да дура, да во соседи часто ходит,
Да вести-тайности разносит.

Зап. от А. Г. Селиванова.

Как по улице с-по шведской

Как по улице с-по шведской, в слободе было немецкой,
В слободе было немецкой.
Да тут гуляет сын еранской, за собой он девку водит.
Девку водит ино Зинку.
Девка парню говорила, говорила, не таила —
Будешь, миленькой, жениться,
Да приверни ко мне согриться.
Привяжи коня ко кусту,
До ко тому кусту, к рябине.
Какова кусту рябина,
Такова и на сердце у мня кручина.

Зап. от группы исполнителей.

Как за речушкой

Как за речушкой, да как за быстрою
Мужики-те живут да все богатые,
У их дочери-те все хорошие.
Пошли-те девушки да в лес по ягодки.
В лес по калину да в лес по малину.
Одна девушка да приосталася,
Да приосталася, да не набралася.
Все-то девушки принабралися,
Только я, млада, не нагулялася.
Стала кликаться да стала гаркаться —
Уж вы кумушки, мои подруженьки,
Пособите-ка набрать наберушку,
Все по горсточкам да пригоршенкам.
У меня да неродна мать, а злая мачеха.
По новым сениям она похаживат,
Клабуком полы всё проламыват,
Да всё ко мне, младе, приговариват.

Зап. от М. С. Фоминых.

Как по речке по Казанке

Как по речке по Казанке, как по речке по Казанке
Плывет селезенько.
Увидали селезенька, увидали селезенька
Верхнокамски девки.
Вот споймали селезенька, вот споймали молодого
Верхнокамски девки,
Посадили на колени, посадили на колени,
Гладят по головке.
По головушке-то гладят, по головушке-то гладят,
Из ума пытаются.
Скажи, скажи, селезенько, скажи, скажи, молоденько,
Сушую нам правду.
Про матушку, про батюшку, про матушку, про батюшку,
Про мила дружочка.
У моего-то милого, у моего-то милого
Трой новы сени.
Как во первых-то сенях, как во первых-то сенях
Батенькины гости.
А во вторых-то сенях, а во вторых-то сенях
Мамушкины званы.
А во третьих-то во сенях, а во третьих-то во сенях
Кони не поёны.
Кони, кони не поёны, кони, кони не поёны,
Кони не кормлёны.
Чуют, чуют наши кони, чуют, чуют наши кони
Дальнюю дорогу.

Зап. от Е. Ф. Якутовой.

Ты не рыбка, не окунечек

Ты не рыбка, не окунечек,
Не попадайся мне в неводочек
Да в белы рученьки не давайся.
Да ты, Марьюшка, догадайся,
Да ты, Федоровна, догадайся.
Идет Марьюшка целоваться,
Идет Федоровна миловаться.

Зап. от И. К. Шаламовой.

Ой, ехи, в огороде-то гряды

Ой, ехи, в огороде-то гряды,
Ой, ехи, зеленым-зелена.
Ой, ехи, зеленёхонька.
Ой, ехи, у кого-кося жена
Ой, ехи, молодым-молода.
Ой, ехи, ох, муж-муженек,
Ой, ехи, ты поедь в городок,
Ой, ехи, ты купи мне парчу,
Ой, ехи, по моему плечу.
Ой, ехи, я те сына рожу.

Зап. от Е. Ф. Власовой.

Не велят Маше за реченьку ходить

Не велят Маше за реченьку ходить,
Не велят Маше молодчика любить.
Что молодчика молоденького,
Неженатого, холостенького.
Холостой парень – любитель дорогой,
Он не чувствует любви никакой.
Он недаром к Маше в гости приходил –
Он подарочки, конфеточки носил.
Стоит Маша у парадного крыльца,
Что у Маши приплаканы глаза,
Что у Машеньки заплаканы глаза,
У красотки призатёрты румяна.
Знать, то Машеньке побидушка пришла,
За такие за поздние вечера.
Знать, то Машеньку побили за дружка,
За дружка, дружка Иванушка.

Зап. от И. К. Шаламовой В селе широко бытует эта же песня с иным зачином: «Мимо садику дорожка пролегла, ишо кто эту доро-, ой, дороженьку торил.

Ишо кто эту доро-, ой, дороженьку торил – молодой парень ко де-, ой, ко девице ходил...»

Я у тятеньки, у мамоньки одна дочи была

Я ле мо у тятеньки, у мамоньки одна дочи была.
Дочи-то тешеная да распонеженная, распонеженная.
Я без рыбы есть не сяду, без калачика не съем, без
калачика не съем.

Без мила дружка не лягу, без сердечного не сплю.
Я у тятеньки у мамоньки отпрошалась погулять,
отпрошалась погулять.

Позволенье мать дала, да гулять я с миленьким пошла,
Гулять я с миленьким пошла.

Не успела выйти вон, да мил стоит передо мной, мил
стоит передо мной.

Мил стоит передо мной да говорит речи со мной, говорит
речит со мной.

Зачем ты, Сашенька, худая да на лице стала бледна, да на
лице стала бледна.

— На ветру долго стояла, да простудилась молода,
простудилась молода.

Со простуды грудь у мня болела, в головушке шум шумел,
В головушке шум шумел,
Да в белом лице жар стоял, жар стоял да жар стоял,
Да стало миленького жаль.

Зап. Е. Б. Вершининой от И. К. Шаламовой.

Мой-от миленький уехал...

Мой-от миленький уехал за Дунай-речку гулять.
Меня, девушку, оставил здесь горе горевать,
Здесь горе горевать, мне же слезы проливать.
Прожил миленький годочек, прожил мой милой второй,
Через три-то милой годочка едет мой миленький домой.
Под ним конь-от вороной же, зеркальско ново седельцо.
Жемчужна нова уздичка, шелков новый поводок.
На миленьком шуба лисья, на ём шапочка с пером.
Эта шуба стоит триста, его шапочка — пятьсот.
А мил по старой-то по дружбе мне навстречу попадат.
Даже «здравствуй» не сказал жо, милый шапочку не снял.
Здравствуй, милый, здравствуй, мой, идёшь ты, милой,
домой.

— Здравствуй, милая моя, еду я теперь сюда.

Что на быстрой-то на речке судно новое стоит,

Что на этом-то судёнке красна девушка сидит.

Красна девушка девица, это милова жена.

Ох, ты, миленькой дружок, ох, ты, милой, дорогой.

Откажи-ко, мой миленькой, своею лихою жене.

Ой ты, глупая девчонка, роздурная голова,

Мне-ка с лихою женою мне-ка веки вековать.

С тобою, красная девчонка, только ночки ночевать.

Зап. от А. Ф. Сторожевой.

Да пойду я, выйду да на крылечко

Да пойду я, выйду да на крылечко, с милым постою.
Постою...
Да на крылечке Сосоваюшко важно да сидит.
Сидит...
Да он-то сидеть-то не сидит, звонки песни важно да поёт.
Поёт...
Да наконец на сердцу, важно да даёт.
Даёт...
Да мой миленькой, милой да живёт.
Живёт...
Да в дальности, во нижней новой ярманке.
Ярманке...
Да вот во ярманке вспохаживает.
Вспохаживает...
Со друзьями да разговаривает.
Разговаривает...
Да вы мо мои друзья-братцы, товарищи вы мои.
Мои...
Да не с одной ли, братцы, сторонушки да вы со мной.
Со мной...
Да вы ли поедете домой, ой да вы домой,
Да отцу, то матери скажите от меня поклон.
Поклон...
Да моей-то Любушке, сударушке, ай да другой.
Другой...
Пусть не ждут, не ждут они меня домой.
Домой...
Да пусть эть ждут меня тогда они меня домой,
Домой...
Да по студёной пусть ждут меня по студёной по зиме.
Зиме...
Да когда припорошит-то все дороженьки белым снежком,
Снежком.
Да призастынут-то быстрые речушки, тонким да ледком.

Зап. Е. Б. Бойковой, А. В. Вершининым от А. Ф. Сторожевой в 1991 г.

Как и люди-то во людях-то живут

Как и люди-те во людях-то живут, на людей люди
угадывают,
На людей люди угадывают, на свекровушок
сноравливают,
У меня млады свекровушка лиха, вот лиха-лиха,
неласковая.
Вот лиха, лиха, неласковая, посылат она туда-сюда меня.
Посылат она меня во чужие люди по сито-решето,
Посылат она туда-сюда меня, во подвалы
по зеленое вино.
Во подвалы по зеленоё вино, во подвалы по зеленоё вино.
Я в подвале призамешкалася, зеленым вином
натрескалася.
Зеленым вином натрескалася, сладкой водочкой
накушалася.
Я иду домой пошатываюсь, я не помню, как домой пришла.

Зап. от И. К. Шаламовой.

Хороводные, протяжные и плясовые песни

Огня нет, огня нет, то ли се ли, ну и что ли, говорю
что огня нет.

В моей жене правды нет, в моей жене правды нет.
В чужой жене правда есть, в чужой правда есть,
Правда есть, правда есть, шуба рвана без кормана,
без подошвов сапоги.

Своей женке лапотцы, своей женке лапотцы,
Лапотцы, лапотцы, то ли се ли, ну и что ли, говорю,
что лапотцы.

Чужой женке башмаки, чужой женке башмаки.
Носи, женка, не марай, носи женка, не марай,
По праздничкам одевай, по праздничкам одевай.
Как бы на горе, как бы на горе, на горе,
На горе, на горе, шуба рвана без кармана,
без подошвов башмаки.

У барина во дворе, у барина во дворе,
Розыгрался сивой конь, розыгрался сивой конь.
Роспотешился вороной, роспотешился вороной,
Вороной, вороной, то ли сё ли, ну и что ли, говорю,
что вороной.

Плясовая шуточная песня. Зап. от А. Ф. Сторожевой.

«Хороша-то наша больша деревня...»

Дуняша

Уродилася Дуняша, невелика, не мала.
Невелика, не мала, со иным гуляла.
Со иным гуляла, со иным, со милым,
Да часто дружка лешила, часто дружка лешила¹.
Я за то его лешила, что не верен дружек был.
Он не верен, не верён, не одну меня любил,
Не одну меня любил, кинул, бросил, позабыл.
Кинул, бросил, позабыл, мне жениться велел.
Я у столика стояла на платочек плакучи.
Я у столика стояла слезы вытираючи.
Слезы вытираючи, плакучи, рыдаючи.
Эти слезы не помогут, разговор не веселит,
Разговор не веселит, да пожениться вам велит.
Пожениться — позориться, полтораستا издержать.
Полтораستا издержать, велят Сашеньку взять.
Велят Сашеньку взять да в новом тереме держать.
Я с-по терему ходила, мужа милого будила.
Ой, ты встань-ко, мой муж, да пробудися, дорогой.
Что у наших-то ворот дороги гости стоят.
Дороги гости стоят, шурья-братья говорят:
Отойди, жена немила, не моя родня постыла,
Выходила молода за новые ворота.
Я заплакала, завыла, своим братья говорила —
Ох вы, братья дорогие, вы пойдите-ко домой.
Вы пойдите-ко домой, скажите мамоньке родной.
Темным лесом не ночуйте, черной грязью не огрейте.
Вы приедете домой, скажите мамоньке родной.

Зап. от А. И. Черных.

¹ Лешить — ругать, бранить (от леший).

ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

Была стряпочка неряха

Была стряпочка неряха, растворила ничего, становила во чело.
Три неделюшки цвело, стало пениться, с печки двинуться.
На пороге зашипала, на пече в углу пекла,
Косарем скребла, клюкой выволочила.
Поезжала в городок, села в нижний во рядок.
У ё брать-то не берут, только цену придают.
Собаки ели и не ели, только рыло обмарали,
Три недели прохворали.

Зап. от А. П. Габовой.

Ишо за морем сорока...

Ишо за морем сорока небогато жила,
Она солоду купила, муки займовала.
Она пива наварила да гостей назвала.
Гостей назвала, да одну сову не звала.
Одну сову не звала, да налетела та сама.
Она ела да пила, да нам спасибо не дала.
Ох, сыч Кузьмич, да Ондриянович,
Он по горенке-то ходит, все на совушку глядит:
Ох ты, совушка, сова, да налетела вот сама.

Зап. от А. Ф. Сторожевой.

Калинка моя, малинка моя

Ветер дует, дождь идёт, да парень девку в рожь ведёт,
Калинка моя, малинка моя.
Девка баят: «Не пойду», да парень баят: «Уведу».
Парень баёт: «Ляг на спину», девка баёт: «Дай полтину».
У купца было, купца да растворены воротца,
Растворены, розмахнены, красна девица идет.
Красна девица идёт, да за собой коня ведет.
За собой коня ведет, да конь шарашится, нейдёт.
Конь шарашится, нейдет, да на девчонке платье рвёт.
На девчонке платье рвёт, девчонка голосом ревёт.
Девчонка голосом ревёт — да кто мне платье заведёт,
Да кто мне платье заведёт да из молоденьких ребят.
Из молоденьких ребят — да все по лавочкам сидят.
Все по лавочкам сидят, да серебром девок дарят.
Калинка моя...

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой. Исполнительница отметила: «Пелась на любом вечере».

Я сегодня угорела, не могу

Я сегодня угорела, не могу,
Да пролежала весь денечек на боку.
Весь денёчек, всю ноченьку,
Да за хорошего Олёшеньку.
Не браните ни Олёшу, ни меня,
Да есть Олёшина косинка у меня.
На косинке две каемочки,
Да отдала кольцо в потёмочках.
Отдала, дак не сияет на руке,
Отошла, дак не скучаю об тебе.
Ох, кутельно, мутельно,
Роскутительно-мутительно,
Моему сердцу заразительно.
По бережку красна девушка идет,
Да выше бережку головушку несет.
Да выше лесу, выше темного,
Вышу садику зеленого.
Я во середу не екая была,
По деревне лучше не было меня,
Полюбила деревеньшинку,
Да распроклятого домовшинку,
Неученого, неграмотного,
Да беспомощного, беспамятного.
Он не умеет столовать и пировать,
Он не умеет меня, девушку, держать.
Ох, стану я на пень высоко,
Да погляжу я в чисто поле далеко,
Там не дует ли ветерок,
Не идет ли красна девица душа.
На ей юбка полосатинька.
В косе ленточка букетова,

Да Олександра заплетывала.
Да кто ле кривоног да кривоног,
Да он и в баню, в уголок да в уголок.
Он заставил раздевать, разболокать,
Шелковы ремни развязывати
Да часты пугвицы растегивати.
Да я не знаю, как назвать-звеличать,
Назвала его Самонюшкой,
Назвала да Николаевичем.

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой.

Мы роботали со братом

Мы роботали со братом на барже номер девятой.
Весело было нам, весело было нам.
Говорил мне брат Егорко — бери билет на всю каерку¹.
Нас с каерки-то погнали, только лапти замелькали,
Мы с каерки полетили, лаптем бараню задили,
Барыня-та ой да ой, набежал городской.
На горе висят мочала, не начать ли нам сначала,
На горе стоит кузнец, вот вам песенки конец!

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой.

¹ Каёрка — искаженное галёрка.

Я сидела под крутеньком бережком

Я сидела под крутеньким бережком,
Опоясалась широким ремешком.
Ремешочек-то не сходится,
В брюшке маленькой заводится.
Ой, рожу малютку маленьку,
Посажу родиму маменьку.
Я малютку я Пашку люблю,
Я куплю ему рубашку голубу,
Ряд я пуговок к рубашке пришью.
Ете пуговки-то венские
Шили девки деревенские.
Ете пуговки московские
Шили девки вармяковские.

Зап. от Е. Ф. Власовой.

У Николы колоколы на боку

у Николы колоколы на боку,
Мой-от миленькой не курит табаку.
Он не курит, не раскуривает,
Папирёсоньку в рот не берет.
Пашню пашет, он ругается,
За сохой идёт, шатается,
Родня мамонька ругается.
Ты не топай, не растопывай ногой,
Не тебе распоряжаться надо мной.
Распорядится мой тятенька родной.
На часовенке-то голубы сидят,
Промежу собой говорю говорят —
Ишо завтра гуляшшой день,
Завтра в городе гулянье будет.
Мой-от миленькой гулять пойдёт,
Меня девицу с собой поведёт.
Поцелует да назад пошлёт.

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой и В. М. Шаламовой.

На улице ромода

На улице ромода¹,
Ромода, ромода, ромода, мода, мода.
Жена мужа продала,
Продала, продала, продала, дала, дала.
Недорого рядила, недорого — двадцать пять.
Двадцать пять, двадцать пять, пять и пять.
На эти я денёжки найму же я пахаря,
Пахаря, пахаря, пахаря, харя, харя.
Он вспашет мне пашенку,
Насиём мы овсеца,
Овсеца, овсеца, овсеца, сеца, сеца.
Наделама мы браженьку.
На браженьке пены нет.
Пены нет, пены нет, нет и нет.
Хозяина дома нет.
Мы браженьку выпили,
Хозяина выгнали.
Выгнали, выгнали, выгнали,
Хозяюшку выпинали.

Зап. Е. Б. Вершининой от А. Ф. Сторожевой. «Это на любом вечере, плясовая вроде».

Зайчик, зайчик, волосатик...

Зайчик, зайчик, волосатик, да не скачи на лавку.
— Недосуг мне-ка скакать, да надо мне бежати,
Надо, надо мне бежати к волчику на свадьбу.
Мне-ка волчишко-то зять, да волчиха-та тетка,
Старый заяц мне-ка зяттик, зайчиха — сестрица,
У барашка ножки гнуты, в дудочку играет.
Две девицы круглолицы вышли танцевати.
Потанцуйте-ко маленько, мне будет миленько.

Зап. И. А. Подюковым от А. Ф. Сторожевой и В. М. Шаламовой.

¹ Слово *ромода* в архангельских, новгородских, пермских говорах в прошлом использовалось в значении 'толпа, шум, возня, толкотня, суета; столбовая мошка, толкунцы, рой толкущейся столбом мошки', отсюда и *ромадить* — суетиться.

Уж я ехал по такой по красоте

Уж я ехал по такой по красоте,
Ворота полы, две собаки во дворе.
Две собачки, две кошечки,
Две тальянки на окошечке.
Не играй, тальянка, без толку,
Не люби поповску пестунью.
Она, поповская пестунья,
Она поймала в поле зайчика,
Полобела новобранчика.

Зап. от группы исполнителей.

Про комарочка

Все-те песенки я перепела,
Дуни-най-най-най, перепела.
Одного комарочка не певала,
Дуни-най-най-най, не певала.
Приздумал комарик пожениться,
Дуни-най-най-най, пожениться.
Это что у тя, комарик, за невеста,
Дуни-най-най-най, за невеста.
Она прясть-то, ткать не умеет,
Дуни-най-най-най, не умеет.
Полетел-то комар во лесочек,
Дуни-най-най-най, во лесочек.
Ишо сел наш комар на дубочек,
Дуни-най-най-най, на дубочек.
И он свесил свои ножки на пенёчек,
Дуни-най-най-най, на пенёчек...

Зап. от группы исполнительниц д. Усть-Уролка (по словам исполнительницы, песня не закончена).

«КАРИ ГЛАЗКИ, ГДЕ ВЫ СКРЫЛИСЬ...»

Любовные песни и частушки Усть-Уролки

Любовные народные песни и частушки, отличающиеся вниманием к мельчайшим оттенкам человеческих переживаний, нежностью и глубиной чувства, чрезвычайно полно представлены как в репертуаре А.Ф. Сторожевой, так и в песенной традиции села в целом. В них по большей части поётся о разлуке и ожидании любимого, о верности, тоске, ожиданиях встречи, ревности и соперничестве, о страдании как неизменном спутнике любви («*Я страдала, страдать буду*» — песня «Кари глазки»). Особое внимание в них обращено к печальной стороне взаимоотношений мужчины и женщины — к изменам и предательству. В песнях, относящихся к жанру жестокого романса (в XX веке он стал едва ли не самым распространенным в песенном фольклоре и до сих пор очень популярен в селе) часто говорится о жестоком обмане девушки соблазнителем, за чем следует смерть, убийство или самоубийство (обманутой остается либо умереть с тоски, либо свести счеты с жизнью, либо отомстить). В редких случаях «злодей», узнав о смерти девушки, раскаивается («*Прости, что сделал я с тобой*» — песня «Напрасно, девица, страдаешь»). В таких песнях много экзотики, всего необычного и условного (море и ночная даль, капитаны и корабли; гроб, темная могила; «станция Одесса и Севастопольский вокзал»; несчастная любовь брата к сестре; месть за измену — «*Раздались все три выстрела на опушке поляны лесной. Это слышала ночка темная, как на землю три трупа легли*»). Представленный в них мир на грани жизни и смерти призван показать надрывность в страдании героев, их духовную незащищенность. Нередко в таких песнях появляется нравоучительство: «*Вы не делайте того же, не влюбайтесь горячо*».

Публикуемые в этом разделе песни уже не строятся на традиционных фольклорных образах (типа *ягода малина, красна девица, мил дружок*). По форме они ближе к городской провинциальной, сентиментальной литературе («*Я, млада, вздохнула о милом о дружке*» — песня «Гуляла я в садочке»).

Еще один любимый в местной культуре жанр — частушка. Любовная частушка больше, чем песня, отражает жизнь в её реальности и подлинности. Предельно сжато передав историю любви, частушка сиюминутное переживание возводит к глобальным событиям жизни. Любовные коллизии в частушке раскрывают разнообразные лики, ипостаси любви. В ней соседствуют глубокие чувства и сиюминутные увлечения, радость, счастье взаимности и горечь утраты, насмешка и разочарование, отчаянная решимость героини и её робость («*Я сегодня при печали, я сегодня при тоске. Милой вывесил изменушку на черной на доске*»; «*Я по берегу хожу, по самому навесу. Не для замужу люблю, люблю для интересу*»).

Построенные на обращении к разговорной речи, частушки более непосредственно, чем песни с их условностью, выражают эмоциональный мир человека. Очень часто и строятся они на обращении к реальным событиям, пережитым усть-урольцами — война, раскулачивание, лесоразработка: «*Изломали мою коечку, на чем я буду спать? Раскулачили миленочка, я с кем буду гулять?*»; «*Ягодиночку-то взяли, и меня послали в лес. Неужели мне, девчоночке, в лесу не надоест*»; «*Всё воюют, всё воюют, где и чё берётся. Ягодиночка моя с германчима дерётся*».

Никто меня не пожалеет

Никто меня не пожалеет, да никому меня не жаль,
Никто мне горя не убавит да грусть-печаль не раскачат.
С реки-то озеро туманит, да мил подвальну подвалил.
Подвалил милой подвальну, а сам уехал далеко.
Он на сердечике оставил да на сердечике тоску.
Он на сердечике оставил да бел-горючий камешок.
И я на камешке зрисую да на гумажке напишу,
Да всем я кумушкам-подружкам да пословясно расскажу.
Мои кумушки-подружки, да вы голубушки мои,
Да вы не делайте того же, да не любите никого.
Любить-то славно-хорошо же, да расставаться тяжело.
Мы сознавались — смеялись, да расставались — плакали.
Сознавались годочек, расставались часок.
Сознаванье было тайно, расставанье яво всем.

Зап. от А. Ф. Сторожевой.

Уж ты, горе, мое горе...

Уж ты, горе, мое горе, никому про мое горе неизвестно,
Неизвестно да суболезно.
Собирается мой миленькой во сибирскую да во дорожку,
Во сибирскую да во сторонку.
Он наказывал мне три наказа, наговаривал мне три наговора:
Ты живи-ко, моя милая, да смирения.
Ты люби-ко, моя милая, да кого хочешь,
Ежли лучше меня полюбишь, дак спозабыдешь,
Ежли хуже меня полюбишь, дак то вспоманешь,
Ежли ровнюшку, дак пиши письма.
Не нашла я да пару-ровню,
Я пишу письмо, да не на лист, не на гумажечку,
Я пишу письмо да на бело лицо,
На бело лицо да горячьми слезьми.

Зап. от А. Ф. Сторожевой, В. М. Шаламовой.

Голубые глазки

Голубые глазки, вы дайте умереть.
Уж нету больше силушки мне на мир смотреть.
Дома все ругают, чужим я не нужна.
Ох, милый мой с другою, что делать я должна?
Пойду, схожу к подруге, совета попрошу.
Подруга отказала, совета не дала.
Подруга, ты подруга, соперница моя.
Давно ли любишь друга, давно ли влюблена?
Заходит милой в зало, всё смотрит на часы.
Снимает черну шляпу, расчесывает усы.
Ах, миленький, ты милый, скажи, который час.
Быть может, мы с тобою сидим в последний раз.
Зачем было влюбляться, зачем было любить,
Семнадцать лет девчонку не стоило губить.
А я и не влюблялся, а я и не любил,
Я только посмеялся, я только пошутил.
Кака быть может шутка, какой быть может смех —
Семнадцать лет девчонке, а счастье больше нет.

Зап. от А. И. Богдановой, 1932 г. р.

Была тихая погода

Была тихая погода, да мы каталися вдвоем.
Лет семнадцати мальчишко да стал ухаживать за мной.
Он говорил, а я молчала, все говорил, все про тако.
Он говорил, а я молчала, за им дальше, дальше шла,
В незнакомую келейку я не помню, как зашла.
Погляди милой на небо, сколько звездок и луна.
— На что звезды, на что луны, когда мы с тобой вдвоем.

Зап. от группы исполнителей, д. Усть-Уролка.

Кари глазки, где вы скрылись

Кари глазки, где вы скрылись, мне вас больше не видать.
Где вы скрылись, удалились, навек заставили страдать.
Я страдала, страдать буду, да плакать буду — тяжело мне.
Тебя, мой милой, не забуду, в какой бы ни был стороне.
Пойду с горя в чисто полё, да во дремучий темной лес.
Закричу я тамо звонко, назову лютых зверей.
Ох вы лютые вы звери, да приближайтесь ко мне.
Растарзайте да тело бело, выньте сердце из груди.
Притащите мое сердце да к другу милу моему.
Милой взглянет, и узнает он о том, что я люблю.

Зап. от группы исполнителей, д. Усть-Уролка.

Гуляла я в садочке

Гуляла я в садочке, гуляла в зеленом,
Искала те следочки, где с милым шли вдвоем.
Искала, приустала, присела под зеленый кусток,
Под зеленый кусточек, на шелкову траву.
Летали три голубки во зеленом саду.
Одна села на ветку, другая на траву,
А третья вспорхнула ко мне на белу грудь.
И я, млада, вздохнула о милom о дружке.
Мой миленький дружочек, куда девался ты,
Вспомни, как гуляли по садику с тобой
И сладко целовались, мой милый, дорогой.

Зап. от А. П. Черных, д. Усть-Уролка.

Любила меня мать, уважала

Любила меня мать, уважала, что я ненаглядная дочь,
А дочь-то с милым убежала во тёмну осеннюю ночь.
Бежала я лесом дремучим, бежала я рошей густой,
Бежала я рошей высокой, хотела беглянкою быть.
Беглянская жизнь надоела, я вспомнила родную мать,
Я вспомнила рошу високу, я вспомнила свет голубой.
Я вспомнила милого лицо, зальюся я горькой слезой,
Подруга подруге говорила, подруга, отраву купи.
Отрава моя недорогая, всего только стоит пятак.
На этот пятак возьму спичек, в отварной воде размочу,
Поставлю стакан под подушку, родным я письмо напишу.
Родные ко мне приходите, я буду лежать на столе,
Прошу, никого не вините, заройте мой трупик в земле.

Зап. Е. Б. Вершининой, А. В. Вершининым от А. Ф. Сторожевой.

Напрасно, девица, страдаешь

Напрасно, девица, страдаешь, напрасно думаешь об ём.
Напрасно целый день страдаешь об негодяе об таком.
Ведь он тебя любить не сможет, он любит карты и вино,
Судьба играет человеком, ему, злодею, все равно.
Девчонка слушать не хотела, но все мечтала об одном,
Чахотку скоро получила и скоро, скоро померла.
Её одели в бело платье, головку увили в цветах,
Она лежала как живая, а две слезинки на глазах,
Родные в трауру рыдали, девчонка в гробе крепко спит.
А над нею на коленях стоял красавец молодой.
Прости, прости, моя милая, прости, что сделал я с тобой,
Не знал, что ты меня любила, не знал, что крепко любила.
А эта темная могила теперь навеки развела.

Записано Е. Б. Вершининой, А. В. Вершининым от А. Ф. Сторожевой.

Гулял я с Наташей три года

Гулял я с Наташей три года, она дочка была богача.
И на все-то она соглашалась, потому что любила меня.
Раз я выпил с друзьями по привычке,
и пошли мы с Наташей гулять.
Долго-долго по улицам гуляли, а потом
пригласил ее в сад.
Там, в саду, было тихо, спокойно, сквозь деревья
светила луна,
На зеленом ковре мы сидели, целовала Наташа меня.
Тут с Ванюшей Наташа разыгралась, и Ванюша
к ней стал приставать.
А Наташа ему отвечала: «Ваня, Ваня, не трогай меня.
Ты привык с посторонними знаться, ты привык
посторонних любить.
Надо мной ты пришел насмеяться, молодую ли жизнь
погубить».
— Я пришел над тобой не смеяться, я пришел
над тобой не грубить.
Я пришел же тебе доложиться, не хочу тебя больше
любить.
Что случилось в эту минуту, догадайтесь сами, друзья.
Всю я ночь напролет не сыпала, у окошка милого ждала.
Вот идет этот парень красивый и какую-то песню поет,
В этой песне меня поминает, сам с другой
на свиданье идет.

Зап. от А. Ф. Сторожевой.

Что вы, граждане, припечалились

Что вы, граждане, припечалились, начинаю
я вам запевать.
Этот случай был в одном городе — брат сестру
приглашал погулять.
Как-то раз они со спектакля шли, шла утрюмая Лида
домой.
Проводил её брат от публики, а потом кричит:
Лида, постой.
Подошёл он к ней аккуратненько, стал к себе он
ее прижимать,
А потом он стал уговаривать, что давай, мол,
со мною гулять.
Ах ты, братец мой, ты с ума сошёл, как не стыдно
тебе говорить!
От людей-то нам будет совестно, да и дома нас будут
бранить.
Утром раненько как нарочно же мать с отцом едут рожь
продавать.
Брат схватил сестру и сказал он ей — вот теперь
от меня не уйдешь.
Преступление совершилось, перенести тут сестра
не могла.
Молодая грудь опустилась, от разрыва сестра умерла.
Как приехали отец с матерью, дочке платье они привезли,
Вошли в комнату — дочка мертвая, и записка лежит
на груди.

Зап. от группы исполнителей, д. Усть-Уролка.

В том селе жила раскрасавица

С каждым годиком разрасталось
среди полей небольшое село.
В том селе жила раскрасавица, имя было Катюша её.
Она белая и румяная, поражала своей красотой.
И вот судьба над ней надсмеялася,
грянул гром над её головой.
В это времечко стал ухаживать
незнакомый красив паренёк,
Глазки карие, сам с улыбочкой,
Катеринушку сразу завлек.
Тут дела пошли не на шуточку,
стала Катя тужить-горевать —
Стал к другой ходить дни и ноченьки,
стал он Катю совсем забывать.
Вот подъехала лодка к бережку,
вышла парочка в сад погулять.
Катя бедная за кустом была,
больше гнева снести не могла,
И с последнею своею силою к этой паре она подошла.
— Наслаждаетесь, мои детоньки,
любоваться я к вам подошла,
И с последнею своею силою на обоих наган навела.
Тут раздалися все три выстрела
на опушке поляны лесной.
Это слышала ночка темная,
как на землю три трупа легли.

Зап. от группы исполнителей, д. Усть-Уролка.

На берегу стоит красотка

На незнакомом переулке, где низко стелется туман,
На берегу стоит красотка, а рядом с нею капитан.
Поверь мне, Лиля дорогая, поверь, как я тебя люблю.
Сегодня мы с тобою вместе, а через год я приплыву.
Уж год прошел, его все нету, и больше Лиленька не ждет,
Она по бережку все ходит и тихо песенку поет.
Взойди луна взойди, ночная, и освети ночную даль,
Чтоб было нам с тобою вместе в морской долине утопать.
А он погиб, его уж нету, и мне приходится страдать.
А утром рано на рассвете кораблик к берегу пристал,
И молодой красивый парень все он Лиличку искал.

Зап. от группы исполнителей, д. Усть-Уролка.

Частушки о любви

Девки в лодке ехали — на песок наехали,
Там цветочки аленьки, ерански¹ девки бравиньки.

Я ходила, провожала все за речку, за мосток.
Я носила, измахала свой батистовый платок.

Заиграл полубаян, я запела, девушка,
Я забыла, что у нас произошла изменушка.

Я попела и поплакала, попой, подружка, ты.
Я любила и осталася, останешься и ты.

Девушки, попойте-ка, меня повеселите-ка,
Моего миленочка разочек вспомните-ка.

Вспомни, вспомни сани-дровни, как мы в них каталися,
Вспомни, вспомни, дорогой, как мы расставалися.

Девушки, пойте, молодые, пойте,
Двадцати пяти годов — в стороне пойте.

Мамонька ругается: «Куда платки деваются?»
Сама не догадается, что милый утирается.

Мама стирочку заводит и выпытывает меня —
Где же синие каемочки остались у меня.

¹ Еранский — родом из ближайшей к Усть-Уролке деревни Еранино.

Пой, подруга, по два раза, а я по одинова,
Ты платочиком играешь, отбираешь милого.

Подруга, топай, не жалей своих полуботиночек.
Веселись, пока не взяли наших ягодиночек.

Далеко, далеко, далеко от дому
Ягодиночка моя звонит по телефону.

Где мои семнадцать лет, куды они девалися —
В Усть-Урольском сельсовете на столе остались.

Ягодиночка на льдиночке, а я на берегу.
Дайте маленькую тесиночку, к нему перебегу.

Нет, нет, не придёт старой мой милёночек.
Он убит и спохоронен у зелёных ёлочек.

Взяли, взяли дорогого, далеко отправили.
Вместо девушки винтовочку любить заставили.

Не на то платок дарила, чтоб любовь заканчивать.
Пригодится, миленькой, раны перевязывать.

Ягодиночку поранили у Вятки у реки.
Три часа лежал без памяти, без правые руки.

Ягодину схоронили, не поставили креста.
Его общая могила — человек четырёста.

Мой-от миленькой идёт, шинель на рученьке несёт.
Не моя ли ягодина на побывочку идёт.

Мама, лавочки пошоркай и под лавочкой помой.
Мой-от миленькой приехал на побывочку домой.

Меня милый изменил, это не изменушка,
А тогда изменушка, когда изменит девушка.

Ты, любовь, ты, любовь, заразительная кровь,
Заразила меня, девушку, семнадцати годов.

Мы с тобой, подруженька, обе измененные,
Больше разу не оденем юбочки зеленые.

Мой-от миленький уехал, он уехал, удалил,
На поминочек оставил свое имя и фамиль.

Ой-да, что я натворила, что я начудесила,
Ко переднему окошку зыбочку повесила.

Всё зелёны, всё зелёны, всё зелёны ёлочки.
Из-за вас, зелёны ёлочки, не видно дроздочки.

Вы не сказывайте, знаю, где мой миленький живёт.
У их тюлевые шторы, на окне герань цветёт.

Вы скажите, расскажите, где здесь Гунины живут.
У их есть красивой парень, его Колечкой зовут.

Я отчаянна родилась, ничего не сделаешь.
Я не деревиночка, меня не переделаешь.

В поле белые комарики учились летать.
Мы не навеки расстались, опять будем гулять.

Дороги во чистом поле кусты вересовые.
Только дороги у милого глаза весёлые.

Боевая, боевая — ну какой же это бой.
На году двоих отбили у меня, у боевой.

Боевая, боевая, бойкая по роду.
Боевой и надо быть по экому народу.

Я иду, а супостатка мне дорогу перешла.
Моли Богу, косолапая, — полено не нашла.

Полюбила я его, такого интересного.
Отнести его Господь, Царица мать небесная.

Ягодина, гину, гину, ягодина, гину я.
Ягодина, поздно схватишься — занята буду я.

Милый нажил, милый нажил, милый нажил новую.
Ему будет не забыть меня, вертоголовую.

Навалилася рябиночка на тын, на огород.
Думала — любовь-та навеки, она наоборот.

Ой, какая я была, девушка развитая.
А теперь моя головушка тоской забитая.

Ой ты, миленькой ты мой, нам с тобой не вековать.
На серебряну поцепочку тебя не приковать.

Я любела тебя тайно, дорогой милёночек.
Оказался ты женатой, у жены ребёночек.

Я любела, любела, пропала любовь.
Разрезали сердце — не канула кровь.

Думушкой не думала, совсем я не начала.
Об тебе, мой дорогой, день и ночь скучала.

Жалко, жалко то мне литичко, которое прошло.
Жалко, жалко мне милёночка, с которым дело шло.

Дорогого не вините, дорогой не виноват.
Кабы я не изменила, дорогой не сделал так.

Ох, ох, охну, из-за кого я сохну.
Ктo мне дорог, кто мне мил, кто дороженьку торил.

Песни петь охотница, за песенки колочена.
Каюсь, каюсь песни петь — заиграют, не стерпеть.

Песенки да басенки, тоскливо жить без Васеньки.
Закляну сама себя — не брошу, миленькой, тебя.

Дорогой милёночек, немножко провинилася.
Тебя дома не было, в другого я влюбилася.

Раньше Колина и Ванина я шмарочка была.
Теперь ни Колечки, ни Ванечки не стало у меня.

Заиграла Ванина — запела вся Еранина.
Запевай, подруга, ты, мы с тобой не заняты.

Мы в Шишигину идем — ёлку с корнем выдерем.
А в Шишигину придем — кого надо выберем.

Запевала, запевала, запевалочкой была.
А тепере запевалочкой подруженька моя.

Ой, пой, сестра, подпевай, сестрёночка.
У тебя забрали брата, у меня милёночка.

Ох ты, миленькой ты мой, свою холеру успокой,
Чтоб она меня не хаяла при публике такой.

Меня хулить и не хулить, и хвалить не нахвалить.
Милой знает боле вашего, и бросьте говорить.

Я сегодня при печали, я сегодня при тоске.
Милой вывесил изменушку на черной на доске.

Я по берегу хожу, по самому навесу.
Не для замужу люблю, люблю для интересу.

Ягодина, ягодина, ягодина дорогой.
Ягодина меня высушил и сам такой худой.

Голос был, да голос был, да куда голос делся.
У милёночка в кудрях да голос завертелся.

Я гуляла день и ночь, принесла в подоле дочь.
На-ко, мамонька, качай, это было невзначай.

Не начала¹, не начала, старой миленькой тебя.
У тебя антелегеночка, нашел, на что меня.

У миленочка кудриночки кругом, кругом, кругом.
Это я назавивала суковатым бадогом.

На качёлочке качалась, под качёлочкой вода.
Белу юбку замочила, она с кружевой была.

Раскачайте меня выше, чтобы милой дом видать.
Не открыто ли окошечко — платочек передать.

Хорошо, да ненадолго тебя, миленькой, любить.
Ты и сам не согласишься за пятнадцать верст ходить.

Я подумаю про то, подумаю про это.
Покачаю головой — прошло весёло лето.

Нету белого платочка, нечем помахатися.

¹ Начать — надеяться, ждать.

Любовные песни и частушки

Нету милого дружочка, не с кем повидатися.

Дорогой, дорог-то много, ты ходи тропиночкой.
Ты другую полюбел – буду сиротиночкой.

Постою, порадуюсь, придет милой – нажалуюсь.
Ох ты миленькой ты мой, корят злодеечки¹ тобой.

Я злодейку ненавижу, а злодейка тут и есть.
Я на эту на злодейку заряжу патронов шесть.

Девушки, крепитесь, на льду не обломитесь.
В речке тоненькой ледок, у девок худенькой умок.

Мне нетрудно влюбаться, нетрудно любить.
Только трудно расстаться, любовь позабыть.

¹ Злодейка – местное название соперницы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	
<i>Сказы Усть-Уролки</i>	3
«Кто бы дал мне яко птице два пернатые крыла».	
<i>Духовные стихи</i>	9
«В какую же путь-дороженьку направилась да ты, направилась?».	
<i>Похоронно-поминальные причитания в Усть-Уролке</i>	59
«Хороша-то наша больша деревня...»	
<i>Хороводные, протяжные и плясовые песни Усть-Уролки</i>	68
«Кари глазки, где вы скрылись...»	
<i>Любовные песни и частушки Усть-Уролки</i>	104

ООО «Издательство «Сота»
614077, г. Пермь, бульвар Гагарина, 46,
Тел./факс: (342) 259-11-68, 259-11-69
E-mail: sota_perm@mail.ru

Подписано в печать 07.04.2009 г.
Формат 60x90/16. Бумага ВХИ.
Тираж 1000 экз.

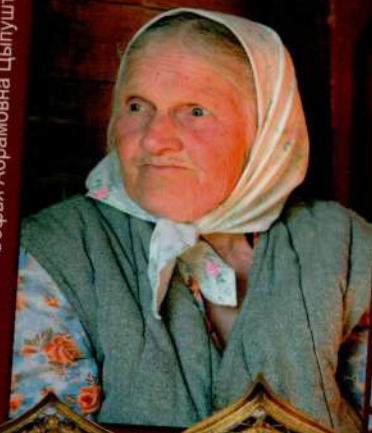
Вид на реку Уролку с крыльца

Наличник с конями и солнцем

Софья Абрамовна Цылуштанова

Пестерь

Сосуд из корней

Расписной шкаф начала XX века

